

Андрей  Белянин

Дело трезвых скоморохов



Что ни говори, а на Руси завсегда
сыскарю дело найдется...

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин

Дело трезвых скоморохов

«Автор»

2004

Белянин А. О.

Дело трезвых скоморохов / А. О. Белянин — «Автор»,
2004 — (Тайный сыск царя Гороха)

Имя: Ивашов Никита Иванович. Должность: начальник первого милицейского управления г. Лукошкина, или, по-местному, сыскной воевода. Родился и вырос в Москве, сюда, в полусказочное царство-государство, попал случайно, вернуться не сумел, за год привык и уже никуда не дергаюсь. Работаю по специальности, успешно сформировал хорошо слаженный коллектив и даже распутал несколько звучных дел. Живем всей командой в тереме Бабы Яги, старушка та еще... В плане хозяйства и экспертно-криминалистической деятельности равных себе не имеет, ну а характер, как у всех пенсионерок, с загибами и перепадами. Еще Митька, пальцами подковы гнет, лбом гвозди заколачивает, применять голову для шевеления мозгами я ему обычно запрещаю. Фантазия у парня слишком буйная, такую без смирительной рубашки на люди выпускать не рекомендуется. А в остальном классический милицейский работник младшего звена. Еще при отделении есть стрелецкая сотня Фомы Еремеева, куда входит мобильная конная группа быстрого реагирования. Я хотел еще специальный отряд, типа «Альфы», утвердить, но не успел – столицу захлестнули структурные преобразования, начавшиеся после женитьбы царя Гороха...

Андрей Белянин

Дело трезвых скоморохов

«Начальнику и сыскному воеводе
Лукошкинского управления милиции
Ивашову Никите Ивановичу

ЧЕЛОБИТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Отец родной! Отпусти душу на покаяние, за что буду по вас весь век бога молить. Истомилось сердечко, изболелось ретивое, а на уме одни картины детства голопятого: вона маменька бельё валиком колотит, вон ребята соседские с горки на задую едут, а вона и сам я яйца разноцветные с Пасхи за пазуху сую, не пойман за ухо покудова... А только сами видите, сколь горе моё велико, борзо и лаяе! Явите отсель сострадание христианское, инше мне уж и жизнь молодая не мила. Засим остаюсь извечно ваш, покорный раб и младший сотрудник,
Дмитрий, Васильев сын, Лобов».

Я медленно перечитал желтоватую бумагу, искренне удивляясь про себя отсутствию грамматических ошибок. Наверняка переписывал раз пять или шесть. Сосредоточенный Митяй, стоя посреди горницы на коленях, продолжал методично бить поклоны, словно рассчитывая взять меня измором. Яги дома не было – выходит, придется разбираться самому, а не хочется...

– Ну и что всё это значит?

– Не погуби, отец родной!

– И не собираюсь... Митя, у тебя лоб не болит? Смотри, на столе уже чашки подпрыгивают.

– Нет мне прощения, ни людского, ни божеского, а только всё одно на своём стоять буду... – непреклонно ответил он, на минуточку отрываясь от основного занятия. Вообще-то полы в тереме дубовые, но башка у парня чугунная, вот ведь, ей-богу, половицы проломит...

– Прощение написать дьяк Филимон надоемил? Митя, не стучи, пожалуйста, уже щепки летят... Подпишу я тебе отпуск, и так подпишу, успокойся только! Вот разберёмся с конокрадами и... Митя, я же просил!

Нет, его тоже можно понять. Мы с этими ворюгами уже неделю «разбираемся». И дело-то плёвое, а вот... завязли мы в нём, как дети в пластилине! А в чём проблема? А в царё! Вернее, в матушке царице и её культурных преобразованиях... Нет, мне уже самому смешно, но давайте я начну сначала, по порядку, как положено.

Имя: Ивашов Никита Иванович. Должность: начальник первого милицейского управления г. Лукошкина, или, по-местному, сыскной воевода. Родился и вырос в Москве, сюда, в полусказочное царство-государство, попал случайно, вернуться не сумел, за год привык и уже никуда не дёргаюсь. Работаю по специальности, успешно сформировал хорошо слаженный коллектив и даже распутал несколько звучных дел.

Живём всей командой в тереме Бабы Яги, старушка та ещё... В плане хозяйства и экспертно-криминалистической деятельности – равных себе не имеет, ну а характер, как у всех пенсионерок, с загибами и перепадами.

Ещё Митька, вот этот самый, пальцами подковы гнёт, лбом гвозди заколачивает, применять голову для шевеления мозгами я ему обычно запрещаю. Фантазия у парня слишком буй-

ная, такую без смирительной рубашки на люди выпускать не рекомендуется. А в остальном классический милицкий работник младшего звена.

Ещё при отделении есть стрелецкая сотня Фомы Еремеева, куда входит мобильная конная группа быстрого реагирования. Я хотел ещё специальный отряд, типа «Альфы», утвердить, но не успел – столицу захлестнули структурные преобразования.

Зайдём издалека. Горох – человек в целом хороший. Умный, толковый, деятельный, может быть, горячий иногда, взбалмошный (с кем не бывает?), но в общей массе нормальный русский самодержец! Этой зимой он у нас женился. Всем народом уговаривали, невесты ко двору едва ли не со всего света понабежали. Ну там то-сё, нам с ребятами удалось вскрыть один не слабый заговор австрийского дипломата, как-то всех спасти, и государь в результате успешно женился. Успешно – значит и по любви, и в масть с соображениями политического плана. Отныне в нашем городе появилась Лидия Адольфина Карпоффгаузен, принцесса австрийская. Тоже в общем-то вполне милая особа, однако... несколько поведённая на порядке. И заметили это не сразу...

Мы-то думали, что немецкая кровь не позволит ей в государственные дела лезть, соответственно впитанному с молоком матери принципу: «киндер, кюхе, кирхе» – всё. Дети, кухня, церковь как место общения – в идеале Гороху от неё больше ничего и не надо. Увы, Лидочка оказалась девочкой дисциплинированной, уважающей порядок, но требующей, чтоб и все прочие этот порядок уважали. Ничего такого очень уж невыполнимого... так... исподволь... понемногу, начиная с любимого отделения милиции.

Раньше мы как поймает вора, разбойника или убийцу, так докладную напишем и с рук на руки в тюрьму. Там государевы служивые дело рассмотрят и вперёд – по всей строгости закона. Теперь нет... Теперь у них адвокаты завелись, юристы, суд присяжных планируют, а преступника гуманно выпускают под залог или подписку о невыезде. Всё как в цивилизованной Европе! Слов нет, мат один...

Вот вернёмся к тем же конокрадам. Двое их было, впёрлись ночью на территорию отделения, Сивку-бурку воровать, а Митька на сеновале спал. Дальше можно не рассказывать... При его любви к «госпоже лошадушке» попробуйте с трёх раз отгадать, что он с похитителями сделал. Формулировки типа «убил на месте!» пропустить как неоправданно гуманные... Наутро обоих сдали в пыточный приказ компактно уложенных в бочонок из-под кислой капусты. А в обед нас оповестили, что мерзавцев выпустили «за недостаточностью улик» и они уже катают жалобу на «милицкий произвол»! Как в таких условиях работать, я вас спрашиваю?! Митька с горя в отпуск проситься стал, на деревню к матушке, расшатанные нервы парным молоком лечить. А у меня в отделении раскрытых, но незакрытых дел – чёртова дюжина! Ну и как они вам, наши демократические преобразования?..

– Никитушка, а вот и я пожаловала! – В горницу, прихрамывая, шагнула Баба Яга – стыд, честь и совесть нашего отделения. – Всё за отчётами корпиться, милый? Небось и не поел ещё, меня дожидаясь? Митенька, пошёл бы ты телегу разгрузить, я на базаре всякого свеженького накупила.

– Бабушка, вы что же, не видите разве – занят я!

– Вижу, вижу, касатик, опять лбом пол долбишь... – жалостливо вздохнула Яга. – А тока всё одно – прервись да сходи! Не доводи до греха меня, старую...

– Угрозы сотруднику милиции, превышение должностных полномочий, использование товарища по службе не по прямому назначению, – привычно пробурчал «касатик», но пошёл, имея за плечами яркий опыт непродолжительных споров с нашей бабушкой.

Яга осторожно присела на скамью, обмахиваясь платочком, а кот Василий, приподняв одно веко, ленивым зевком доложил хозяйке, что дома всё в порядке. Правильно, в беспорядке только я...

– Развеемся бы тебе, Никитушка, – вполголоса, словно бы разговаривая сама с собой, задумчиво выдала бабка. – На вечёрки ты не ходишь, по праздникам не гуляешь, на свадьбах...

– На свадьбах – был!

– Дык по делу же... – гнула своё Яга, неспешно ставя самовар. – Это когда Танюшку Бакулину замуж выдавали, а жених мелкий попался да робкий, так его дружки, смеху ради, всех там так упоили, что поп невесту в купели крестильной едва не утопил, а жениха с тестем в обнимку повенчали... Отец Кондрат тогда самолично милицию вызвал. А только ты меня зазря вокруг кривой берёзы кругами не води, речь-то не о том шла. Хватит тебе бобылём сидеть!

– Бабушка-а...

– А то уж люди на базаре вслух удивление имеют. – Не обращая ровно никакого внимания на мои протесты, Яга сунула мне под нос блюдо с царскими пряниками и ласково потрепала по затылку. – Дескать, не занедужил ли участковый наш, что от роду женского шарахается, как грач от пугала? Да и не все ж девки у нас настока страшные!

– Бабушка, эта тема закрытая, – кое-как успел вставить я. – У меня есть одна кандидатура, вы о ней знаете, так что давайте не будем переливать из пустого в порожнее...

– Так ить весна ж на дворе! Май месяц на носу! Каждый пенёк беззубый ромашками процветает, а ты что ж?! Вот возьмусь я за тебя сама...

– В каком смысле?!

– Да тьфу на тебя, Никитка, вот в каком! – не выдержав, надулась моя домохозяйка.

Я пожал плечами и потянулся за вторым пряником. Все эти бессмысленные разборки имеют место лишь потому, что нам, по совести говоря, заняться нечем. Отоспавшаяся за зиму преступность ещё потягивалась, зевала, не доставляя милиции никаких особенных хлопот. Доклады, отчёты, заявления, прочая писанина нервировала, конечно, но всё же это работа сидячая. С мелкими правонарушениями отлично справлялись еремеевские ребята, в царёвом тереме установились мир и согласие, шамахань по весне набегам не тревожат... Соответственно крупных проблем – ни одной.

Разве что Кощей бежал... Так это ещё в начале апреля было, и, по словам той же Яги, он к нам в Лукошкино носу не сунет, домой дёрнет мясо на костях наращивать. Если исключить служебную рутину, то просто божья благодать вокруг, хоть со службы увольняйся да мемуары пиши. Того гляди, дьяк Филимон пожалует объявить о закрытии отделения «за служебной ненужностью»...

– В цирк бы ходил, что ль...

– Куда-куда? – невольно заинтересовался я. Память услужливо нарисовала красивый дом на Цветном бульваре, лошадок у входа, яркие афиши, особенный, упоительный запах манежа и детский вкус знаменитого эскимо на палочке.

– Да в цирк же! – носом чуя слабинку, подобралась Яга. – Балаган, по-нашему, там скоморохи пьяные пляшут с медведём, сцены всякие показывают, истории нравоучительные али смешливые с Петрушкой в бабьей рубахе. Вот и ходил бы. Потешился...

– В принципе почему и нет? – пожал плечами я. – В конце концов, глупо заикливаться на одной службе, должны же у нас быть и какие-то культурно-массовые мероприятия.

– А то! И Митеньку с собой возьми, не побрезгуй! Ужо ему-то радости полны штаны будет...

Вот так незаметно, незатейливо и абсолютно непонятно зачем мы дружно влезли в одно из самых тёмных и запутанных дел моей милицейской карьеры.

* * *

Цирк был настоящий. Я имею в виду, что скомороший балаган обычно ограничивался разбитой телегой да кукольным театром за сатиновыми занавесками. А тут, на Колоколь-

ной площади, раскинулся высоченный шатёр из пёстрых тряпок, на входе бородатый тип неопрятного вида собирал с входящих по грошику, а внутри уже размещался лукошкинский люд. Арены как таковой не наблюдалось: площадка для выступления скорее квадратная, чем круглая, посередине небольшой помост, два разноуровневых каната и зачем-то привязанная в уголке коза. Крупная такая, но драная...

Два небритых клоуна, размалёванные хуже ирокезов, бесплатно раздавали малышам карамельные шарики. Митька заграбастал себе сразу три, но я отобрал и вернул детям. Мой младший сотрудник всерьёз обиделся и дулся до тех пор, пока я не купил ему петушка на палочке. Нам предоставили места в первом ряду, по соседству с зажиточным купечеством и свободными от службы царскими стрельцами. Бояр и приближённых к государю лиц не было – им такие мероприятия посещать высокомерие не позволяет. Со всех сторон доносился смех, приглушённые разговоры да балалаечное треньканье. За моей спиной двое молоденьких приказчиков чинно обсуждали предстоящее зрелище:

– А что будет-то?

– Так я тебе и сказал.

– Да небось я и без тебя знаю! Баб без одёжи покажут, медведя в красном платье, а ещё как цыган шило ест... И козу говорящую! Вона она у колышка-то за шею привязана, поди, чтоб не сболтнула чего...

Я слегка повернулся в их сторону, и молодцы разом притихли. Мой младший сотрудник не отрываясь смотрел на помост, чисто по-детски забыв про сахарного петушка на палочке. Вот ведь простая душа, как ему для счастья мало надо...

Шёпот за спиной осторожно возобновился:

– Слышь, а участковый-то что здесь рыщет?

– По делу, поди...

– Нешто заарестовывать кого?!

– А то! Баб твоих без одёжи, медведя за платье не по фасону, цыгана, чтоб не жрал что ни попадя, ну и козу, знамо дело, кто ж ей болтать-то позволит?!

На секунду захотелось обернуться и высказаться, но не успел, загремели медные трубы, и в центр площадки выкатился разбитной толстый мужчина с хорошо поставленным оперным басом:

– Э-э... счастлив приветствовать почтеннейшую публику! Я... э-э... месьё Труссарди, антрепренёр и глава самой замечательной цирковой труппы, э-э... колесившей когда-либо по пыльным дорогам Европы! После Дрездена и Парижа, проездом в Вену и Стамбул, всего... э-э... одну неделю блистательный цирк Труссарди – перед вами!

Из распахнувшихся занавесей, под аплодисменты горожан, высыпала разношёрстная толпа балаганных артистов. Я насчитал трёх клоунов, одного неопрятного типа с замашками фокусника, четверых прыгучих акробатов, девушку, жонглирующую шарами, традиционного силача и цыгана с медведем. Вполне приличная труппа, должен признать, и представление они тоже выдали на уровне. Митька сидел как зачарованный, даже в ладоши не хлопал. Просто тихо млел от неопишуемого восторга. Теперь наверняка и в деревню возвращаться не захочет, маменьку свою сам сюда перевезёт, цирк смотреть...

Ну а так – баб без одёжи не показывали, разве что девушка выступала в полупрозрачном персидском наряде и под вуалью, но всё что надо должным образом прикрыто. Коза, вопреки ожиданиям, оказалась неговорящая, в её задачу входило лишь бодать клоунов, но народ это страшно веселило. Силач был, конечно, впечатляющий: железный лом в узел завязывал и цепи рвал. Хотя, если, например, того же Митяя хорошенько дразнилками довести, так он не хуже чудеса покажет...

Фокусник мне совсем не понравился: пара дешёвейших трюков с голубями и кроликами, угадывание масти карт, чтение мыслей через подсознание, а на десерт – неизменный номер

с исчезновением человека в ящике. Вызвали какую-то симпатичную девушку из зала, сунули в шкаф, три раза обернули, громом хлопнули, дверцы открыли – и нет её! Подсадная утка, все так делают... Вот акробаты умелые, я всегда завидовал парням, умеющим ходить на руках и с места кувыркаться через голову. В общем, нормально всё, хорошее представление, просто это я такой привереда...

По окончании программы вновь вышел их руководитель, торжественно попрощался, лишний раз напомнив, что цирк Труссарди задержится в Лукошкине ровно на одну неделю. Так что милости просим заходить ещё. Младшего сотрудника мне пришлось уводить силой, парень нипочём не хотел уходить, в надежде что ему ещё «чё-нить волшебственное покажут».

На выходе встретили двух наших стрельцов, их Яга послала, как оказалось, меня опять царь-государь требует. Ладно, загляну, не жалко... Митьку отправил обратно в отделение, пусть по хозяйству помогает. Заодно поучится метлу на носу держать, как настоящий циркач...

До гороховского подворья шёл спокойно, никто особенно не приставал, с заявлениями не лез, всех делов – только здороваться успевай. Первая неприятность – встреча с дьяком думского приказа Филимоном Груздевым, нагло преградившим мне дорогу в царский терем.

– Куда прёшь, милиция?! Али с утречка глаза не разумши? – Тощий дьяк старательно вытянул шею, словно надеясь, что я не сдержусь и дам ему по загривку. В принципе мне давно хотелось это сделать, но уж больно подозрительную готовность он проявлял...

– Что это с вами, гражданин? Опять пили на рабочем месте?

– Кто пил? Я пил?! Да ить это ж и есть полнейшее оскорбление! Матушка царица-а, слуге твоему оскорбле-ни-е-э!!! – И, подхватив рясу, бодрый скандалист опрометью бросился прочь.

Ничего не понимаю...

– Ребята, кто его со вчерашнего колокольней в лоб приложил?

Царские стрельцы только усмехнулись в усы, дескать, даже не спрашивай, сами удивляемся. Я покачал головой и неспешно потопал на второй этаж. Меня ждали. Вошёл без стука, едва не прищемив государя дверью. Горох, подпирая спиной косяк, суетливо наливал себе стопочку. Меланхолично стряхнув с парчовой рубахи капли, тихо выругал меня матом и, вновь наполнив рюмочку, опрокинул её одним махом, смачно занюхивая рукавом. После чего без предисловий попытался сунуть водку мне. Посмотрел жалостливо, я бы даже сказал, затравленно:

– Пей. За моё здоровье.

– На службе не положено...

– Знаю. Не как царь, как мужик мужика прошу – выпей!

– Пятьдесят грамм...

– Соображаем, края видим, не прольём! – Горох воровато огляделся, кивнул мне и даже достал из кармана половинку кренделя. Я быстро выпил, так же, как он, отказываясь от закуски. Крендель был явно несвежий, в каких-то серых крошках и прилипших ниточках... Ну его, и так прячемся, как два алкаша в парке культуры и отдыха.

– Вызывали?

– Нет. Ещё налить?

– С утра достаточно. Я так понимаю, у вас тут очередное ЧП. В чём на этот раз горе горькое?

– Всё хорошо...

– ...прекрасная маркиза, – сурово закончил я. – Уж мне-то могли бы и не врать.

– Так я и не вру, вот в чём парадокс! – ввернул научное слово царь-батюшка. – Неоднозначно всё у меня, понимаешь?

– И без поллитры не разберёшься...

– Ой, вот морали-то по мою душу читать не надо, чай, не с малолетним правонарушителем разговариваешь! – поправив корону, напомнил государь. – Томно мне...

– Бояре заели? Международная политика хромает? С молодой женой проблемы?

– Да в порядке всё! Я ж тебе русским языком говорю: томление у меня в душе образовалось... Хочу чего-то, а вот чего хочу – не ведаю... Шамахань б напали, что ль?! Или самому на кого войной пойти?

– Говорят, вязание очень успокаивает...

– Пробовал, вон пряжа перепутанная под лавкой валяется. Тоска у меня, Никита Иванович, а ить я в таком разрезе сам себя боюсь – ну как руки наложу?! Не от пожара сердечного али разочарования любовного – из интересу! В запредельное краешком глазу глянуть – и назад. Мысли всякие посещать начали...

– Вам бы к психологу надо, – посочувствовал я. Хотя, по совести говоря, какие психологи в их время? Любую хандру лечат водкой, не помогает – так дубиной! А уж откачивают потом всё той же водкой... Русская терапия!

– Может, вам в цирк сходить?

– И чего я там не видел?! У меня в собственном тереме каждый, почитай, день такой цирк... хоть всех святых выноси! О, главная циркачка идёт, слышишь?

Из-за дверей раздалась гулкая армейская поступь. Горох расправил плечи и спрятался за мою спину. Ну, правильно, если что – сразу под защиту родной милиции!

– О майн гот, кого я есть рада видеть! – Румяная австриячка от души расцеловала меня в обе щеки. При отсутствии посторонних Лидия Адольфина могла позволить себе некоторые вольности. Ей почему-то казалось, что я как-то причастен к устройству её счастливого брака. На мой предвзятый взгляд, ничего подобного не было... – Мой добрый дрюг-полицайн! Я ошень искайль фас по фашному делу. Мне приходится много... как это, битте... жалостей? Жалобностей?!

– Жалоб, – безошибочно угадал я и даже на девяносто процентов был уверен в том, кто их поставляет.

– Я, я! Именно, жалоб! Мой супруг, ваш король, ошень занят, я есть помогать ему слегка, мало-мало... Но закон должен бить!

– Бить, – поправил я.

– Бить! – подтвердила государыня. – Битте, взглянуть вот здесь.

Горох икнул, извинился по-немецки и попытался улизнуть, но его нежно перехватили:

– Майн либен, ты опять пиль до обеда? Но твоя красивый голова будет есть болеть! Как ты меня огорчать...

– Лидочка, уж прости, пожалуйста, но тут участковый пришёл, предложил по чуть-чуть за его здоровье. Как я мог отказать такому человеку? – беззастенчиво соврал царь. Австриячка глянула на меня с таким мягким укором, хоть сквозь землю провались...

– О та! Я понимаю, то есть ваш русский народный обычай – пить «за встречу», «за здоровье» и «за давно не виделись»! Зер гут, я буду привыкать...

Самодержец ласково чмокнул её в лоб и счастливо сбегал. Передо мной легла толстенная стопка доносов, жалоб и заявлений на милицейский произвол. Из более чем семидесяти бумаг две были написаны не дьяком Филимоном, остальные... И каждый лист приходилось разбирать со всей немецкой дотошностью и пунктуальностью! Утешало одно – я уйду, а вот Гороху с ней жить...

* * *

В отделение вернулся к вечеру. Подшил бумаги, часа два играл в «подкидного дурака» с Ягой и её котом. Угадайте, кто остался? Хорошо, хоть не на деньги играли – я бы вообще без копейки ушёл. За ужином вернул своё, бабка обиженных судьбой жалеет и кормит, пока не лопнешь. Если я за всё это время ещё не колобок, то это только от нервов...

Кстати, одна из причин вечных стрессов – петух! Наша ненависть с первого взгляда успешно переросла в окопную войну. За зиму он успел отъестся, продумать новую стратегическую линию и теперь будил меня, предварительно укрывшись за бруствером из близстоящих куриц. Эти влюблённые дуры самоотверженно прикрывают его от любых моих происков. Я начал всерьёз задумываться о найме киллера.

Митяй появился от силы на полчаса раньше меня. Где шлёлся, не сказал. Но никого не «заарестовал» и ни во что не влип, трудился на уборке конюшни до первых звёзд. Парень умнеет на глазах, кто бы поверил... В целом всё шло так тихо и ладно, что я бухнулся спать рано, а сны снились полноцветные с цирковым уклоном. Бабе пришлось трясти меня дважды, случай редкий, обычно я просыпаюсь... хр-р-р...

– Никитушка! Да проснись же, сокол ясный! Беда!

– Ам...пым, я м... чё т...там, сплю я...

– Вставай же, люди пришли...

– Подача заявлений в отделение с девяти утра до пяти вечера без перерыва на обед! – всё ещё на что-то надеясь, отпихивался я, пока Яга не рявкнула:

– Подъём, сыскной воевода, а не то водой студёной оболую! Пришла беда неминуемая в ворота милицейские...

– Без меня никак?

– Никак! – подтвердила бабка, её вид со свечой в руке был суров и патетичен, как у американской статуи Свободы.

Я старательно зевнул и, скинув одеяло, потянулся за брюками. Домохозяйка стыдливо отвернулась...

– Ты уж, как наготу прикроешь, вниз спускайся, ткачи Брусникины тебя там ждут, дочь у них пропала. Двенадцатая, средненькая...

Несколько секунд я молча переваривал последнее предложение. Двенадцатая и средненькая?! Ё-моё, да сколько ж их там вообще имеется? И все дочери?! Ну... тогда Брусникин-старший в этом нехитром деле любого кролика переплюнет. Замуж, наверное, попытается сдать оптом...

В горнице меня ожидала пожилая супружеская пара. Жена оказалась женщиной тихой, незаметной, а муж – рябой мужичок щуплого телосложения – умудрился во время разговора строить глазки даже Бабе Яге! И вправду шустрый дядька, из таких виагру варить надо...

– Итак, записываю: кто пропал, когда, где и при каких обстоятельствах?

– Дочь, стерва, по ночи домой не вернулась! Прибыю ить...

– Что-то вы грубо так...

– Да уж небось как есть! – грозно вскинул бородёнку ткач. – Ославила отца на всю улицу – до милиции довела! Вы уж, батюшка сыскной воевода, явите милость – отыщите дуру, а я с ней по-свойски, ремнём потолкую! Прибыю, как бог свят, прибыю...

– Имя и особые приметы пропавшей, – мысленно махнув рукой на чужие внутрисемейные отношения, продолжил я.

Брусникин о чём-то перемигнулся с женой и обстоятельно ответил:

– Зовут Дуняша, возрасту девичьего, ростом пониже меня будет, волос русый, красной лентой коса заплетённая, над бровью родинка малая, ровно мушка. Одета в рубаху с вышивкой да сарафан простой, а ещё лапти ненювые. Но прибить я её обязан просто...

– Когда пропала?

– С утра из дому сбежала с подругами гулять, так вот до сей поры и не возвернулась. А ить ночь уже! Раньше надо было прибить...

– Не огорчайтесь, какие ваши годы... У подруг спрашивали?

– Нет, не сподобились... – Многодетный отец задумчиво почесал маковку. – Дак она вроде раньше-то так не сбегала... Но ныне точно прибыю, как возвернётся...

– Ладно, понял, записал. – Я обернулся к его жене. – Имеете что-нибудь добавить?

Она только отрицательно покачала головой. Глаза встревоженные, нервы на пределе, ещё чуть-чуть – и ударится в банальную истерику. Я оглянулся на Ягу, бабкино лицо было самым серьёзным...

– Хорошо, я сейчас же попрошу нашего младшего сотрудника оповестить патрули. А вы успокойтесь, идите домой, может быть, беглянка уже сама вернулась... Если что, я постараюсь обязательно заглянуть утром.

– Благодарствуем на уважении, Никита Иванович, – в пояс поклонился ткач и даже не пообещал прибить. Дочь, разумеется...

– Так будут искать-то? – впервые подала голос мать пропавшей девушки.

– Обязательно, – уверил я. – Бабуля, Митька всё ещё спит?

– Дык как всегда, – подтвердила Яга. – Он же деревенский, с солнышком ложится, с ним же и встаёт, а в промежутки его и оглоблей не разбудишь.

Тоже правда, традиционно он спал у нас в сенях, на топчане, то есть мимо никак не пройдёшь, но сном недобудимым. В русских сказках такой обычно называют богатырским, в чём я лишний раз и убедился...

– Митя, подъём, служба зовёт! – проорал я прямо ему в ухо и отпрыгнул в сторону. Ведь если вскочит спросонья, то насмерть зашибёт, прецеденты были...

Потом я его ещё четыре раза будил, кричал, тормозил, толкал, как мог, а рядом люди стоят – бдительная у нас милиция, правда? Чета Брусникиных, словно нарочно, застряла в сенях, откровенно любясь моим позором. В отчаянии я схватил дрыхнувшую каланчу за ногу, попробовал сдёрнуть одеяло, он буркнул нечто неразборчивое и перевернулся на другой бок. В тот же миг жена ткача громко вскрикнула, указывая на что-то пальцем. Я тоже не сразу понял и даже дважды протёр глаза... Из-под Митькиной подмышки высовывалась русая коса с заплетённой в неё мятой красной ленточкой!

Брусникину отрывали от безмятежно храпящего Митяя силами четырёх стрельцов, а потом ещё с час отпаивали настойками пустырника и валерианы. Её муж ругался на чём свет стоит, но шёпотом (Яга сквозь зубы пообещала посадить его на пятнадцать суток, ежели будет сквернословить в отделении). Вещественную улику в виде отрезанной косы у нашего сони изъяли, и при детальном осмотре родители девушки дружно признали её Дуняшиной. Мне не оставалось ничего, как отправить их под охраной домой и погрузиться в глубокие, нерадостные размышления...

– Чует моё сердце беду. – Бабка тихо присела рядом на лавочку. – Кабы чего дурного лиходеи с девчонкой не сделали. Ить, глянь-ка, коса под самый корень срезана...

– Ну и что с того?

– Да как что?! Куды ж ей, горемычной, теперь без косы – опозорили на всю округу! Ни замуж не возьмут, ни в работницы, а на улицу выйдешь – подруги задразнят... В прежние времена-то как потеряет девица косу, то одна дорога – в омут с головой!

– Чушь какая-то... – недоверчиво буркнул я. – Косу и поддельную купить можно, помните, сколько Митька в прошлый раз на базаре надёргал?

– Ты уж в вопросах чести девичьей меня слушай, а не Митеньку. Чай, я больше разбираюсь, сама девицей была...

– В каком веке?

– А тебе пошто? – резво отбрила Яга и вновь пустилась запугивать меня бесчеловечными местными традициями. – Косу отрезать – дак то срамота похлеще, чем ворота дёгтем изгваздать. Новую-то, поди, годков десять отращивать надо, а до той поры тока и судьба, что слезами умываться, горем хлеб заедать, печалью-кручиной плечи кутать...

– Тогда один логичный вопрос: откуда данная коса оказалась в наличии у нашего сотрудника?

– Нашёл! – уверенно заявила бескомпромиссный эксперт, но под моим пристальным взглядом отвела глаза.

– Вот именно... Не помню, чтобы у нас в Лукошкине девичьи косы направо-налево вдоль улицы пачками валялись. Да и если бы действительно подобрал где, так о такой находке доложил бы непременно! Может быть, поэкспериментируете с уликой на досуге?

– Проверить на предмет колдовства да чародейства, что ль...

– Бабушка, а вы кто у нас по штатной должности? – начальственно прищурился я.

– Совместитель, – отмазалась бабка, но косу взяла. – Шут с тобой, Никитушка, иди с богом да спать ложись. Утречком, как личико умоешь, будем чай пить, глядишь, за разговорами чего и прояснится. А мы куда с Васенькой моим покумекаем...

На этот раз я не настаивал на личном присутствии во время экспертизы волос. Яга – специалист опытейший. Порой такие вещи выдаёт, ни МВД, ни ФСБ, ни ЦРУ проклятое рядом не лежали! Присутствовать на её опытах и страшно и интересно, но сейчас спать хотелось больше. Не считайте меня бесчувственным, просто судьба пропавшей дочери Брусникиных всё равно не разрешится до Митькиного допроса и результатов следственной экспертизы. А потому вполне можно баюшки-баю вплоть до самого утра. Петух... чёрт с ним, пусть разбудит пораньше! На этот раз прошу...

* * *

– Ку-ка-ре-ку-у-у!!!

– Спасибо, уже встал, – вежливо поблагодарил я, кивая мерзавцу в окно. Петух отработанным, на уровне генного автоматизма, движением спрятал гребешок за тыном.

– Ку-ка...?!

– Я же сказал «спасибо».

– Ку? – окончательно обалдел он, вытаращив на меня круглый, как бусина, глаз.

Я широко улыбнулся, поправил перед зеркалом галстук и вполне довольный собой спустился вниз, в горницу. Петух за окном надрывно вопил на одной ноте, до глубины души обиженный тем, что сегодня в него ничем не пульнули.

В горнице у русской печки каялся Митька. Не подумайте чего плохого – покаяние было непривычно тихим. Общая композиция, значит, примерно такая... Наш младший сотрудник, чинно сложив совковообразные ладошки на коленях, сидит на лавочке, уставясь пустым взглядом на русую девичью косу. А её, в свою очередь, держит в передней лапе кот Василий, немигающе вперившийся зелёными глазами в Митяя. Оба молчат, ни одного лишнего движения, лишь красный бантик методично покачивается перед носом кающегося... Под моей ногой скрипит половица, сеанс испорчен. Кот косится на меня и резко хлопает в лапы.

– Нет, – словно проснувшись, дёргается наш герой, – всё одно ничего не помню. Спасибо тебе, добрая животная, зверь домашний, а тока молчат мои глубины подсознания...

– Кхм... – демонстративно напомнил о себе я, вопросительно изгибая бровь. Трюк простейший, на простейших и действует, как правило, безотказно.

– А-а, Никита Иванович, с добрым утречком! Бабуленька на базар отправилась, средь народу лукошкинского потолкаться, разговоров послушать, слухов в корзинку собирать... А мне вас завтраком откормить велено. Вот, прошу за стол. Докуда блинчики не остыли, дожидаясь, Василий их миской прикрыл. Так вы и не чинитесь – в сметану макайте, да и в рот их, в рот их, в рот их всех!

Утро начиналось просто замечательно, – аппетит пропал разом... Василий вернул следственную улику на стол, сделал финт хвостом и исчез предрассветной тенью. Митька торопливо доставал чашки с блюдами, судя по поведению, вины за собой не чувствовал, но выступить со слезами на людях не постесняется.

– Действительно ничего не помнишь? – просто так, для разговору, спросил я. И зря...

– На сей вопрос однозначного ответа как есть не существует. Ибо память человеческая суть терра инкогнита и запоминанием занимается избирательно до причудливости. Как говорится...

– Митя, не умничай.

– А почему нельзя?

– Потому, что государыня сама вчера призналась, что ты у неё книжку по психоанализу выпросил, на немецком. Кто переводил-то?

– Кнут Гамсунович не отказали, – с неким вызовом вскинулся он. – Вчерась, почитай, всё время после цирка в Немецкой слободе провёл, и беседовали со мной на равных – зело я индивидуум яркий!

– С этим не поспоришь... Методику дачи показаний под гипнозом ты оттуда выудил?

– Никак нет, это ж фокусник давеча на арене показывал, али забыли? Вот я и решился подвергнуться, а ну как и впрямь припомню чего... А бабуля-то со мной ещё до петухов собеседование провела. Говорит, вроде чистый я...

– Это хорошо, если чистый. Попроси Еремеева ко мне.

Обычно глава стрелецкой сотни регулярно являлся к завтраку самолично, но сегодня где-то задерживался, а мне требовался совет. Я хотел получить максимально точные данные об исчезновении молоденьких девиц в нашем Лукошкине.

Лично я ни с чем таким здесь пока не сталкивался, но слухи были... Хотя бы насчёт всё тех же злосчастных Настенок, выгнанных на мороз бесчеловечными мачехами. Причём, как помнится, повезло-то одной, прочие возвращались домой с отмороженными носами. Однако всенародная вера в «авось» была воистину неистребима: парни отпускали на свободу пойманных щук, девицы пёрлись посередь зимы в лес, сёстры прятали малышей от перелётных птиц и не давали пить из лужи от козьего копытца. Не жизнь, а сплошные суеверия...

– Никита Иванович, там стрельцы задержанного привели с пострадавшей! – из сеней доложил Митька.

– А Еремеев где?

– Не появлялся покуда! Дак что, запускать?

– Естественно, рабочий день начался, – лениво потянулся я и, быстренько достав планшетку, приготовился к записи. Хотя мой московский блокнот давно кончился, желтоватой гербовой бумагой государь пока отделение обеспечивал. Вот карандаш сточится, придётся учиться писать гусиным пером... или Филимона Груздева в милицию штатным сотрудником переманить. Каки-и-е протоколы будут – пальчики оближешь!

Ладно, отложим чёрный юмор, кто у нас там на сегодня? Стрельцы ввели здоровенную тётку лет сорока пяти, в самом «ягодковом» возрасте, и молодого тщедушного, но хорошо одетого паренька, явно боярского рода, которого она для надёжности держала за шиворот. Судя по горящим глазам женщины, юноша понятно куда влип – по самое некуда...

– Лейтенант Ивашов, глава Лукошкинского РОВД, – дежурно представился я. – Проходите, присаживайтесь.

– Благодарствуем, батюшка, а только мы постоим-с, – густым голосом Монтсеррат Кабалье ответствовала тётка, демонстративно встряхивая жертву.

– Это, как я понимаю, задержанный?

– Он и есть, змей-искуситель!

– Ясенько. – Я кивком головы отпустил стрельцов и ещё раз предложил: – Вы присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите всё подробненько.

– Благодарствуйте-с, постоим мы.

– Господи, зачем же стоять-с, садитесь.

– Мы постоим-с! – значимо, с нажимом повторила потерпевшая, сдвинув соболиные брови.

– Как хотите, – непонимающе пожал плечами я. – Так в чём, собственно, дело?

– Сухово-Копыткина Мария Сидоровна, можно просто Мария, – с поклоном представилась женщина. – Вдовствующие мы-с, из купеческого сословия будем, две лавки на Базарной да склады с рыбою, солью опять же приторговываем. Ни за чем таким не числились, добрую славу о себе бережём-с, а ежели кто худое слово скажет...

– Долго не проживёт, – под нос довершил я, а вдова купчиха, выдержав весомую паузу, неспешно продолжила:

– Вот и получается, что, раз уж такой расклад, пуцай теперь-с, как честный человек, женится!

– На... э-э... в смысле, на ком?

– Как на ком-с?! – нервно сглотнула Мария Сидоровна, постучав себя кулаком в колышающую грудь. – Дак на мне, на мне же!

– В смысле он, – я указал карандашиком на юношу, – должен жениться на вас, так? Вообще-то на первый взгляд возрастная разница, как у Киркорова с Пугачёвой, но... почему бы и нет?! Раз им можно, совет вам да любовь, как говорится. А милиция-то здесь при чём? В церковь идите.

– Смилуйся, батюшка участковый! – плаксиво скривив губки, всхлипнула вдова. – Как же не в милицию-то, ить дело совсем уголовное! Мало того что чуть не убили приличную вдову-с, дак теперича и жениться, изменщик, не хочет. Говорит, дескать, в другую целил... но попал-то в меня! Пуцай и ответ даёт по всей строгости-с, законным браком!

– Минуточку, я никак не пойму, где проблема?

Купчиха резко повернулась ко мне, и я едва не рухнул со скамьи... Упс-с, теперь понятно ГДЕ... Пониже спины, в... в... внизу в общем, торчала тонкая оперённая стрела!

– И главное, колется же...

Я рухнул на стол, пытаюсь жевать скатерть, едва дыша от распирающего хохота! Да-а, начитался боярский сын сказок... Пустил стрелу в небеса, а на чей двор упадёт – там, значит, и суженая его. Что тут скажешь? Стреляет парень отменно (хотя в такую мишень и спяну не промажешь!), а вот с везением... это у каждого индивидуально. И главное, уж попал так попал! И кто здесь, спрашивается, пострадавший?

– Я больше не буду. Пустите, тётенька...

– Молчи, сердцеед коварный!

Меня спасла Яга. Вовремя вернувшаяся с базара бабка, быстро смикитила, что к чему, и, правильно оценив ситуацию, под стрелецким конвоем отправила обоих к отцу Кондрату. Пусть уж он с этим разбирается, у нас в отделении и других забот предостаточно. Тем паче что новости наша глава экспертного отдела принесла неутешительные...

* * *

– Уже полбазара шумит о том, что-де Митька милицейский дочку Брусникину со двора свёл. Правда, большинство говорит, раз свёл – стало быть, за дело! Якобы за просто так у нас не арестовывают...

– Нет, конечно, – поспешно согласился я, – ну, иногда... бывает... в крайне редких случаях, но потом мы всегда извиняемся!

Яга рассеянно кивнула и задумалась о чём-то своём. Вообще-то если честно, то обычно за всё отделение извиняюсь я один. Бабке гонор не позволяет, а Митяй только прощения просить горазд, и то в лучшем случае у меня, Яги или государя. Перед прочими так «извиняется»,

что люди на него и жаловаться боятся. Нет, мы перевоспитываем парня помаленечку, но количество «жалоб на превышение...» пока не убавилось...

– А что по самому факту исчезновения?

– Тоже радости мало: у подруг её нет, соседи не видали, из города вечор никто не выходил, а поутру в дом всё одно не заявилась. Мать плачет, отец горькую пьёт...

– Значит, действительно пропала?

– Значит, так оно и есть... – Баба Яга повернулась ко мне и строго напомнила: – Тока уж Митеньку зазря подозрениями не обижай. В преступлении энтот его вины никакой нет!

– А коса откуда?

– Подложили.

– Вот так, прямо в отделении?! У нас же весь двор под охраной!

– Про то не ведаю, касатик! Тут уж ты меня, старую, словил, как бобёр лису за хвост с весенней целью... – Бабка шумно хлопнула себя по коленям и встала. – А не пройтись ли мне да в экспертизе колдовской косу не опробовать? Авось где чего и проглянется...

– А я думал, вы её уже...

– Ну, знаешь! Мне ить тоже когда-никогда, а спать надо!

– Извините, ляпнул, не подумав, – честно повинился я. – Помощь нужна?

– Сама управлюсь, а вот ты бы сходил к Брусникиным-то, может, в доме ихнем какую ни есть зацепку и углядишь. Вона Фома в ворота заходит, с ним и прогуляйтесь.

– Договорились, заодно и к Гороху загляну, попрошу матушку царицу нашим сотрудникам научной литературой мозги не засорять. В вопросах прогресса и образования спешить не надо...

– Неужто Митеньку соблазнила? – ахнула Яга.

– Увы, – сурово подтвердил я. – Он теперь всё отделение психоанализом достанет, так что без крайней надобности постарайтесь не пересекаться.

– Свят, свят, свят...

– Вот именно!

С Еремеевым поздоровался уже во дворе. Молодой начальник стрелецкой сотни за этот год успел стать мне надёжным и многократно проверенным товарищем, которому я доверял практически безоглядно. Хотя отношения наши строились исключительно как служебные, то есть в кабаках вместе не сидели, по девкам на пару не бегали и в баню на Новый год не ходили. Определённая субординация, может быть, и добавляла некую толику холодности, но, с другой стороны, избавляла от фамильярности, в плане которой тот же Митька – просто бич божий!

– Доселе не было у нас такого, чтоб девиц красть да косы резать. Потому как проку в том ни на грош... – неторопливо рассуждал Фома. – За девичий позор одно наказание – родственники башку оторвут! Так что полюбовно оно выгоднее будет. А косу резать? Это уж совсем падшая девка быть должна, и то за баловство по головке не погладят...

– С твоих слов получается, что весь смысл преступления в попытке очернить работника милиции?

– Выходит, что так... Однако зачем, опять не пойму?! Митьку твоего и так, почитай, всё Лукошкино как облупленного знает. Дурак он, конечно, да сердцем отходчив и зла на душе не таит. Такой безвинную девицу зазря не обидит...

– А если она сама ему косичку с бантиком на память оставила? – от нечего делать предположил я (версия глупая, но...). – Хотя тогда бы он помнил... Яга его полностью оправдала и сейчас проводит экспертизу на предмет дознания чужеродных запахов, отпечатков пальцев и прочего.

– И велика ли надежда?

– Шанс есть, но, честно говоря, очень зыбкий, мелкий и дохлы-ы-ый...

У ворот Брусникиных нас встретила небольшая группа соседей и вездесущий дьяк Филимон Груздев... в новом парике. Ей-богу, я сначала глазам своим не поверил! Макушку дьяка украшало косо сидящее сооружение из белёной пакли – классический парик английского судопроизводства. Засаленный колпак гордо венчал узкое чело, а на затылке вызывающе торчали уже две косички. Я мысленно помянул нехорошим словом активную государственню и не ошибся...

– Вот как спешит милиция простому человеку в подмогу и утешение! – громко начал опытный скандалист, обращаясь, собственно, ни к кому, но ко всем в целом. – Сколь велико горе материнское, глубока печаль отцовская, безмерна скорбь сестринская, необъятно отчаянье братское, а они и не торопятся, собаки сутулые!

– Гражданин Груздев, освободите проход от греха подальше, – вежливо козырнул я.

– Ан не будет по-твоему, злой сыскной воевода! – трусливо приосанился дьяк, стараясь держаться подальше от Еремеева. – Ибо волей матушки царицы, дай ей господь долгих лет и процветания, назначен я народу лукошкинскому наипервейшим ад... адв... адвокатом! Сие означает – от произвола милицейского заступник и оградитель!

Мы с Еремеевым обменялись взглядами, полными зубной боли. Лидия Адольфина Карпоффгаузен – женщина хорошая, старательная, но, как большинство австриек, честная и доверчивая. Неистребимый Филимон Митрофанович легко обнаружил её слабую струнку и теперь из всех сил корчит из себя едва ли не доверенное лицо государыни.

– Фома, будь другом, пообщайся тут с местной адвокатурой, – вздохнув, попросил я. – Только по голове сильно не бей – парик помнёшь, он нас по судам затаскает. А я пока в дом пройду.

Сотник коротко кивнул, но уже в воротах меня встретил негостеприимным иканием пьяный отец семейства:

– Чаво надоть?

– Пришёл поговорить о вашей дочери.

– С чавой-то?

– Гражданин Брусникин, что за тон?! – несколько сбился я. – Ночью вы с супругой явились в отделение с просьбой отыскать вашу пропавшую дочь. Мне нужно...

– Вот и ищи! Затем ты и милиция, а в дом не пушу!

– Но... почему?

– А вот так! Потому как на то моя хозяйская воля! Мы теперича права знаем, умны люди объяснили... – продолжал изгаляться мужик, и у меня непроизвольно сдвинулись брови. Дьяк демонически хохотал, издали показывая нам язык: дескать, обломись ты на этом месте, ирод в погонах!

Положение самое идиотское... На моей памяти никогда ещё не было случая, чтобы отец (в здравом уме!) чинил препятствия тем, кто (по его же заявлению!) ищет его же пропавшего ребёнка! Самоуверенную ухмылочку жутко хотелось смахнуть кулаком. Это как раз-таки было бы очень педагогично!

Я сосчитал в уме до десяти и медленно повернулся к Фоме:

– Сотник Еремеев, пожалуйста, отпустите дьяка, он мне понадобится как понятой. А вот гражданина Брусникина следует немедленно сопроводить в отделение. Ни свет ни заря, а он уже пьёт в рабочее время!

– Да ты не ополоумел ли, участковый?! – пытаюсь встать на цыпочки, взревел ткач, бледнея и краснея попеременно.

– А за оскорбление при исполнении дать пятнадцать суток! – безжалостно добил я. – Будете трудиться на озеленении родного города, строительных объектах и чистке общественных канализационных систем. Филимон Митрофанович, прошу вас, не откажите поучаствовать!

Дьяк мгновенно надулся от важности и, первым отпихнув недалёкого главу семейства, шмыгнул мимо него во двор. Грозный Еремеев молча положил тяжёлую ладонь на плечо жертвы «милицейского произвола»...

В доме нас встретила целая орава счастливых ребятишек, двое нанятых работников и задёрганная, усталая хозяйка. Понятой Груздев, возбуждённо пританцовывая, рвался сию же минуту приступить к повальному обыску, но мне требовалось всего лишь поговорить:

– Значит, так никто ничего и не знает?

– Да уж с ночи, поди, всех соседей да подружек обегала. Совсем запропала девонька моя...

– Найдём, не переживайте.

– Да тока бы живая была, – тихо всхлипнула женщина. – Сотрудник-то ваш, бугай известный, про косу девичью молчит небось...

– Мы проверили, он ни в чём не виноват. Баба Яга на данный момент проводит ряд следственных экспертиз, может быть, появятся новые улики. – Опустив глаза, я попытался перевести разговор: – Скажите, а почему ваш муж так неадекватно себя ведёт – грубит, что-то из себя изображает, в дом меня не хотел пускать...

– Кто ж его разберёт, что у пьяного на уме... С утра деньги где-то раздобыл, zenки залил, вот и хорохорится. А может, и так угостили, ему вольно языком трепать. Да вон хоть конфеток детям принёс...

– Конфеток? – непонятно зачем переспросил я.

– Гороху цветного, сахарного. Говорил, будто циркачи-скоморохи на площади задарма горстями раздают.

Больше вопросов не было, зацепок и информации тоже, а бесцельно просиживать штаны рядом с матерью, потерявшей дочь, как-то, знаете ли, не очень...

Я надел фуражку, попрощался, потрепал самого маленького ребятёнка по голове и шагнул за порог. Дьяк Филимон за моей спиной шумно распинаясь насчёт того, что «ежели Митяй и виновен, то участковый его нипочём не отдаст, потому как в милиции ихней порука круговая, кровавая!». И ведь кто-то ему ещё верит...

* * *

От Брусникиных я направился напрямиком в царский терем. Раз даже дьяк Филимон в курсе произошедшего, то уж государю-то тем более доложили. Значит, всё равно вызовет, так какой смысл ждать, если можно самому прогуляться?

Прохожих на улице было немного. Середина рабочего дня, у всех свои дела-заботы, а кто без дел, тот в цирке. Из знакомых лиц попался разве что авангардный иконописец Савва Новичков. Несмотря на кубистическую манеру живописи, парень как-то умудрялся зарабатывать себе на хлеб, пару раз мы давали ему кров и защиту, поэтому он первым приветливо помахал мне рукой. Помнится, дня три назад забегал к нам в отделение, измерял стену в горнице, прикидывая размеры картины для подарка Яге. Обещал нечто аллегорическое, но симпатичное, без шести рук и глаз на пузе. Яга, вообще, настаивала на религиозном сюжете с предельным реализмом. Ну, дело их, пусть пробует, бабка у нас творческих людей любит, правда, называет их почему-то «юродивыми»...

На государевом подворье чинно поздоровались с Кашкиным, как я уже упоминал, это самый прогрессивный боярин при дворе царя Гороха. Для прочих я постоянная заноза в заднице... Чёрт, главное, чтобы Новичков меня так именно и не изобразил!

– Рад приветствовать!

– И тебе поклон, сыскной воевода. К государю ли путь держишь? Так учти, во гневе он...

– А-а, опять царица бутылку спрятала?

– Хуже, скучно ему... А батюшка наш от скуки суров не в меру, да и в суде неразборчив. Ты уж поспешай, он к милиции завсегда неровно дышит. Глядишь, на тебя поорёт – да душой и развеется! А уж коли что, дак я тебе завсегда в острог калачей тёплых пришлю и кваском домашним побалую...

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил я. – Попробуем обойтись без крайностей.

Старый боярин по-отечески обнял меня на прощание, перекрестил, как покойника, а потом долго смотрел вслед, смахивая скупую слезу. Иногда создаётся такое впечатление, будто бы царь наш – редкостный тиран и деспот, но это не так. Горох воплощает в себе классические черты искренне любимого народом государя: строг, но справедлив; буен, но отходчив; пьёт, но в меру, и главное, душу готов положить за возлюбленное Отечество! Таких на Руси любят, и даже я невольно попадал под влияние его самодержавной харизмы...

Царские стрельцы доложили, что меня примут в отдельных покоях. Для бояр попасть туда значило получить полнейший разнос. Но, как правило, только там мы с Горохом могли говорить без лишних свидетелей.

– Заходи, Никита Иванович! Пить будешь? Ох и наливка нынче хороша...

Надёжа-государь оказался не один, а с супругой. Причём, судя по ярко-розовым щёчкам Лидии Адольфины, оба уже слегка «тёпленькие». Хорошая у них семейная жизнь, завидую...

– Спасибо, я по делу.

– За дело и выпьем! Ну уважь, уважь, участковый... Али не видишь, сам царь с царицей тебя потчуют?!

Я вопросительно покосился на государыню.

– По щють-щють, – милостиво подтвердила она. – Дас ист зер гут шнапс-облепиховка!

В общем, пока я с ними не выпил, никакого разговору не было. Потом Горох очень серьёзно меня выслушал, незаметно поглаживая мечтательную жену по бедру. Судя по всему, в самое ближайшее время меня отсюда попрут...

– Всё понял, разобрал, простил и к сердцу принял. Воля моя такова: службу неси, как и доселе нёс! За парнем твоим вины не держу, – видать, и впрямь злодеи на него поклёп возвели. Так вот и отыщи тех паскудников, что у нас в столице девкам на ходу косы режут! Отродясь ведь не бывало такого, а?

– Мм... практически, – несколько смутился я, вспомнив, сколько кос наобрывал тот же Митька во время дела о летучем корабле. – Но так, чтобы с исчезновением девушки, такого точно не было!

– А как будешь ихнюю «малину» брать, меня позови, – заранее предупредил Горох, красуясь перед супругой. – Давненько я никому с поличным рук за спину не вертел!

– О, майн либен! Ти есть перл харбор... храбур... нет, перл храбрости, так, да?! – страстно поддержала мужа бывшая австрийская принцесса и, целуя ему руку, покосилась на меня. – Я ходить под вас! Нет? С вас ходить?! А, ходить под руководством вас, герр полицайн!

– В смысле, на задержание? – не поверил я, беспомощно глянув на Гороха.

– Ну, не прелесть ли?! – восхищённо воскликнул он, крепко обнимая царицу Лидию. – И в огонь и в воду за мной готова. Делать нечего, сыскной воевода, придётся тебе нас обоих на следственный подвиг брать!

Короче, я ушёл от них злой и недовольный. Толку – ноль! Зато проблем теперь... И Кашкин этот ещё – скучает, дескать, государь! Да чтоб мне так хоть раз довелось поскукаться... в обнимку с любимой женщиной! Ладно, простите, это всё от зависти. Пора жениться, пора, пора. Олёна, ау-у-у!

* * *

Возвращаясь в отделение, лишний раз прошёлся по Колокольной площади, мимо цирка. Народ стекался туда со всех сторон, длинная, галдящая очередь была видна ещё издали. Ну что ж, хорошее развлечение, людям – радость, дирекции – полные аншлаги, а значит, всё складывается к общему взаимудовольствию. Рядышком важно прошествовали двое прикащиков, те самые, что во время прошлого представления сидели за нашими спинами.

– Чёй-то я про козу не всё понял. Уж больно морда у ей осмысленная...

– Да и баб без одёжи показано не было! Небось уж сёдни-то не отвертятся...

Я сделал вид, что не замечаю их болтовни, и ускорил шаг. Парни понимающе приотстали:

– А участковый-то куда несётся, нешто опять кого под арест волочить? Вот ведь человек деятельности неумеренной...

– Дак не даром, видать, вчерася он на представлении так к козе присматривался. От нынче по рогам и повяжет! А представь, ежели б ему там баб без одёжи показали...

В прежние времена я бы, наверное, покраснел или обиделся. Сейчас уже ничего, привык, даже не оборачиваюсь. Лукошкинцы – народ общительный, широкой души и безграничного любопытства, уследить за каждым просто невозможно... Пусть себе болтают, это скорее проявление заботы, нежели желание поохмить над органами. Мне так кажется...

Всю дорогу до отделения думал о пропавшей девушке, и, признаться, мысли мои были не особенно весёлыми... С одной стороны, все твердят, что обрезанная коса – это решающая улика: раз отрезана – значит, всё, девушка наверняка мертва. С другой стороны, пока труп не обнаружен, всегда остаётся какая-то надежда...

Попробуем поискать более-менее логичную причину похищения. В конце концов, женщин крали во все времена, вопрос – с какой целью: женитьба, насилие, выкуп, шантаж? Пока мне почему-то представлялась самой конструктивной версия психа-одиночки. Почему? Не знаю, какая-то смутная ассоциация с «кошачьим маньяком», обезглавливающим безвинных мурок и барсиков. Хотя вообще-то строить предположения на пустом месте бессмысленно, глупо и даже опасно...

– Митька не пробегал? – мимоходом полюбопытствовал я, козырнув нашим стрельцам.

– Был, да в Немецкую слободу утёк, – доложили мне, – вроде как тесто какое ему там наобещали.

– Рецепт, что ли?

Стрельцы виновато пожали плечами, дескать, кто ж его начитанного разберёт...

Задержанного гражданина Брусникина для профилактики и протрезвления сунули в поруб. Там и летом холодно, а уж в конце мая – хоть волков морозь... Через пару часов выпустим шёлкового... Сам Еремеев отсутствовал, посему я немного постоял на крылечке и шагнул в дом. В горнице – картина маслом!

Баба Яга, крупнейший авторитет в области знахарства и ведьмовства, сложив сухонькие ручки на коленях, сидит, выпрямив спинку, как школьница, а перед её крючковатым носом покачивает девичьей косой с бантиком сосредоточенный кот Василий. По-моему, Митькины эксперименты становятся чуточку заразны... Я посмотрел коту в глаза и покрутил пальцем у виска. Василий обиделся, фыркнул и ушёл мрачный, скрестив лапы на груди. Бабка чихнула, вздрогнула и, глянув на меня, ужасно засмушалась:

– Охти ж тебе, Никитушка! Стучать бы надобно, мало ли чем мы тут... занимаемся...

– С котом?! – сухо уточнил я. – Ну, ваше дело молодое...

– И то верно, – согласилась Яга, чем ввергла меня буквально в предобморочное состояние. – Дело молодое, необкатанное, а тока что ж мне, с перву разу новых методов экспертизных не опробовать? Чай, я не дура запечная, поперёк прогрессу с ухватом не попру.

– И на том спасибо... Ну, так получилось? В смысле, докопались до глубин подсознания?

– Чуток не успели... – вздохнув, призналась наша домохозяйка и, не прерывая разговора, взялась накрывать стол. – Вот уж и ноженьки потеплели, и рученьки покалывать стало, и веки отяжелели приятственно так, а в башке-то, слышь, ни единой мысли – одна Великая Пустота! Чую, чуть-чуть, да и нирвана меж ушей заплещется... Я-то, наивность старая, сперначала думала, что нирвана – энто вроде девки незамужней! Но она, оказывается, глубина разуму неподвластная... Эвон как! А тут ты явился не запылится! Нет, всё ж таки стучи в следующий раз.

– Честное оперуполномоченное! – побожился я. – Приношу глубочайшие извинения, но, если позволите, один вопрос, как прошли исследования непосредственно по текущему делу? Есть какой-нибудь результат?

– Есть, есть, Никитушка, как не быть... Да тока ты сядь покуда, вот вареничков ежевичных откушай да чайку с медком под ватрушечку. Небось весь день так не обедавши носился... Вот и давай не зевай, полны щёки набивай! А я тут буду пред тобой полный отчёт держать.

Тоже правильно, у бабки пунктик на эту тему – пока не поешь, нипочём рассказывать не будет. Так мы давно пришли к компромиссу: я – ем, она – докладывает. Довольны все, старинные обычаи вроде бы не нарушены, и экономия времени тоже весьма существенная.

– Значится, вот оно как было... Во первых делах, косу ейнюю не ножницами резали, а топором рубили! И не иначе как на плахе мясницкой. Ибо щепоть мелкая дубовая да кровь говяжья, уж такой специи... цифи...чн... в общем, едкий запах имеют – ни с чем не перепутаешь! Никита... Никита, сокол, ты что ж заблел-то так, али дурно стало?

– Ба-буш-ка... – кое-как отдышавшись и не дав вареникам выпрыгнуть обратно в миску, просипел я. – Можно без столь детальной описательности?

– Охти ж мне, прости, касатик, – честно повинилась Яга и безыскусно продолжила в том же духе: – Так вот, опосля того как косу-то топором немытым отсекали, на ей много рук пальцами потными отметилось. Посередь волосков даже мел тёртый попался... И рубили, видать, её не за просто так, а с им, злодеям, целью ведомой!

– Милицию подставить? – решив не искушать судьбу, я тихо отставил вареники в сторону.

Бабка уважительно подмигнула:

– В самое яблочко бьёшь, сыскной воевода! Одного не разберу, зачем кому-то отделение наше позорить? Нешто мы опять ненароком чью-то честь и достоинство меж двух пеньков зацелили...

– Ну-у... недоброжелатели у нас есть, – не стал спорить я. – Хотя мне лично непонятно другое: если требовалось подбросить нам какую-то часть похищенной и зарубленной топором на мясницкой плахе девушки, то почему именно косу?! Почему не руку, не ногу, не палец с колечком, не... Бабуля... бабушка Яга! Что с вами?!

– Ти-пу-н... тебе на язык, участковый, – делая глотательные движения и зажимая руками рот, кое-как простонала моя домохозяйка. – Нешто можно старую женщину на ночь глядя такой ужасью пугать?! Я ить теперича до свету глаз не сомкну, девицу загубленную представляя!

– Хм, вам ли бояться покойников? Тем паче что тело потерпевшей пока не найдено и...

– Да кто ж тебе сказал, что помершая она?! Сам своим умом дошёл, али я какую информацию упустила? – взвилась Яга. – И неча на меня пальцем тыкать, я говорила, на чём да чем коса ейная рублена, а ты уж сюда и труп приплёл! Сперначала результаты экспертизы моей до конца выслушай, запротоколируй, да вот тогда и выводы строй. Схоронил девку раньше времени и меня под рвотную статью едва не подвёл...

– Так она жива?!!

– Сядь и не тряси меня, вона пылищи-то поднялось... Жива, уж как с косой расставалась, точно жива была. Волос мёртвого человека иной блеск имеет, а эту хоть щас на базар неси – лысые купят!

Не буду врать, что я, счастливый, начал ходить по горнице колесом, но от осознания того, что Дуня Брусникина, скорее всего, всё-таки жива, у меня словно камень с души свалился. Причём здоровенный такой, вроде железобетонной панели, хорошо хоть никого не ушиб... Бабка тоже не любитель с трупами возиться (о её буйной молодости и уголовном прошлом промолчим...), поэтому дальнейшее обсуждение предварительных планов расследования текло как по маслу, пока...

Нет, особо ужасного ничего не произошло, просто зашёл Митя. У нашего младшего сотрудника было настолько просвещённое лицо, что я вздрогнул. Как правило, это верный признак очередных неминуемых неприятностей, в которые он влез сам и намерен втянуть всё отделение.

– Ну и где ж оно, тесто немецкое? – Оказывается, Яга отлично знала, куда он направился. Я тоже вопросительно вскинул бровь.

Митяй торжественно выудил из-за пазухи три-четыре мятых листочка и гордо потряс ими над головой:

– Всё как есть раздобыл! Ох и мудрёная же штука-а...

– Чёй-то не поняла я... Немцы-то, поди, один рецепт и дали, а с тестом пожадничали?!

– Неправда ваша! – горячо вступился за иностранцев Митька, на манер самца гориллы бухая себе кулаками в грудь. – Кнут Гамсунович – человек благороднейший и скупердяйства лишён, ровно крот подштанников. Вот, все тесты с однова взгляду перевёл! Со всеми вытекающими последствиями, и ныне нет мне секрета ни в душах людских, ни в характерах! В единый миг психотип любого просчитаю, и никакой лазейки преступности от меня не отыщется!

– Никитушка, что ж он врёт-то? Сам в слободу Немецкую за тестом ходил, а нам бумажки в нос тычет...

– Всё в порядке, – улыбнулся я, сдвигая посуду и освобождая место на столе. – Давай показывай, чему научился.

– А вот не изволите ли для начала домик изобразить, лес, дорогу да солнышко. Я вам такие чудеса поведаю – ахнете! И вас, бабушка, попрошу... Нет-нет, не увиливайте, уж вас особенно!

Как понимаете, вечер прошёл весело. А вот с наступлением ночи...

* * *

Собственно, я ещё даже не успел уснуть. Только-только разделся и лёг, как внизу раздался шум голосов, и мне стало кристально ясно, что вторая ночь тоже пошла насмарку. Пока вставал, одевался и спускался вниз, поправляя фуражку (милиционеру, как и царю, без головного убора на людях появляться нельзя!), всё постепенно стихло. Баба Яга, захлопывающая за кем-то дверь, подмигнула мне, приложив палец к губам:

– Тсс! Ужо я Фому Еремеева с ними отправила, а про тебя, касатик, сказала, будить-де не велено! Не ровён час, осерчает батюшка участковый, так и расследования никакого не сообразуется...

– А кто был-то? – так же шёпотом поинтересовался я.

– Да купец Обмылкин с приказчиками, начал было мне тут нрав проявлять, тебя к ответу требовать... Да я ему быстро заворот дала, впредь в отделении глотку драть не будет!

– Заколдовали?!

– Самую чуточку... – несколько смутилась бабка. – Поменяла голос с мужского на бабий. Он и теперича орать горазд, да только то-о-ненько так, что самому стыдобственно...

– Бабушка! Вы же слово давали! Мы сколько разбирали с вами противозаконность и неэтичность применения колдовства против...

Яга молча сунула мне под нос толстенную девичью косу, соломенного цвета, в метр длинной, с атласной жёлтой лентой. Так... значит, проблемы пошли колесом по второму кругу. Я тихо опустился на скамью, достал из планшетки блокнот и приготовился записывать.

– Дочь купеческая по вечеру в хоромы отцовские не вернулась. Зовут Глафирой Потоповой, росту среднего, весу крупного, одета сословию соответственно. Заявление от батюшки ейного, горлопана, я самолично приняла. Ныне стрельцы его до дому провожают, по спине хлопают, успокоения ради. Почерк преступления всё тот же – девицы нет, коса вот она.

– Откуда коса? – уточнил я, доподлинно зная, что она ответит.

– Знамо дело, у Митеньки из-под подушки выдрала, – ровно кивнула бабка. – Он-то спит, аки младенец нетронутый, а я, старая, решила своим умом следственную версию проверить – вот и нашла...

– Что ж, – задумчиво протянул я, – по крайней мере, теперь точно известно, что Митька ни при чём. Кто-то дважды подставил его, извращённо, но однообразно. Законный вопрос: кому он так помешал?

– Не о том думать надо, а как мальчишечку нашего от обвинений облыжных уберечь. Не ровён час, Брусникины с Обмылкиными у отделения столкнутся да бедами своими взаимно поделятся – шуму буде-э-эт...

– Согласен, – решил я, – завтра же утром собственной рукой подпишу этому обормоту приказ об увольнении в отпуск. Пусть отправляется к маменьке на деревню, а мы уж тут сами как-нибудь...

– И то верно, – согласилась Яга, – пуцай девкам тамошним тесто немецкое на уши вешает, от греха подальше. А то ить когда он меня едва ли не при всём честном народе...

– Там был только я.

– Ни за что ни про что холерой обозвал...

– Холерическим психотипом.

– ...Вот и поглядим, какими словами он теперича маменьку свою родную накроет. А Кнута Гамсуновича я впредь за переводы книжек таких оскорбительных и на порог не пущу!

В результате мы ещё на часик задержались у самовара. Я – безуспешно выгораживая психологию как науку. Бабка – убеждённая, что раз она без «этого дела» жизнь прожила, так и неча под старость лет из неё дуру делать. А у Митьки, надо признать, в последнее время это лихо получается...

Остаток ночи прошёл спокойно. Обеспокоенный моей вчерашней выходкой, петух демонстративно устроился на заборе и орал, раскинув в стороны крылья, как революционный матрос на расстреле. Я проявил редкостную силу воли, приветливо помахал ему в окошко и, зевая, спустился вниз. Пернатый злодей впал в глубокую задумчивость, свесив набок гребешок и распахнув клювик...

После завтрака я приказал построить личный состав во дворе отделения. Еремеев насобирав около двух десятков стрельцов. Яга торжественно уселась на крылечке, и действие первое началось:

– За проявленное в ежедневной борьбе с бандитизмом мужество и отвагу, за успешное выполнение особо опасных заданий и непосредственное участие в задержании наиболее крупных преступников младший сотрудник Лобов Дмитрий Степанович премируется пятью рублями и кратковременным отпуском на родину!

– Ура-а-а! – завистливо грянули стрельцы.

Я снял фуражку и кивнул:

– Вольно! Всем разойтись, продолжая службу согласно дневному расписанию. Митя, деньги и увольнительный лист получишь у кота Василия. Отправляться можешь хоть сейчас. Бабушка, дайте ему пару бутербродов в дорогу.

– Но... это... как же, Никита Иванович, – неуверенно хлопая ресницами, стушевался наш герой. – Какой такой отпуск, за что?!

– Как это какой? Тот самый! Ты мне заявление писал? Вот мы, посоветовавшись, и решили твою просьбу удовлетворить.

– Дык... а это я писал?!

– Нет, Лев Толстой! – как можно строже рявкнул я, доставая из планшетки мятый лист бумаги с Митькиными каракулями. – Зачитываю: «Начальнику и сыскному воеводе... истомилось сердечко ретивое... картины детства голоштанного... явите отсель сострадание христианское... извечно ваш... Дмитрий Лобов». Просил – получи! Поздравляю, заслужил, маменьке привет и от лица отделения устная благодарность за хорошее воспитание сына.

– Но я... нельзя же... дело ведь важное, запутанное, а косу-то ейную всё одно у меня за пазухой обнаружили! Чё ж я, в сей тяжкий для Отчизны час в деревне сиднем сидеть буду?!

– Сотник Еремеев, возьмите четверых ребят и под ружьём сопроводите нашего товарища за ворота города, – вежливо, но твёрдо попросил я. – Бедняга от радости совсем ум потерял, собственного счастья не понимает.

– Бабуленька-а! Хоть вы-то вступитесь...

– Иди, Митенька, иди, – холодно вздохнула Яга. – А по дороге-то и помысли, каково это людей пожилых, заслуженных, «экстравертами» за глаза обзывать...

Парень дёрнулся туда-сюда, понял, что обложен со всех сторон, и, едва не плача, покори́лся судьбе. Ничего, в конце концов, выгонять его никто не собирается, вот отдохнёт недельку в деревне, вернётся со свежими силами, а мы за это время успеем разобраться с этими «косо-резами»...

Одно время, после нападения на меня в моей же комнате, бабка ставила некую «сигнализацию» и точно знала, когда в тереме посторонний. Потом, к сожалению, защиту сняла, вроде бы из-за того, что по весне голуби на крышу садятся постоянно, а у Яги от этого в левом ухе звенит! Правильно, кому нужна такая радость по двадцать раз на дню... А вот теперь неизвестные лица уже дважды проникали на территорию отделения, беспрепятственно проходили в сени и подсовывали бедному Митьке убийственные улики. Могли и вовсе прирезать, кстати...

Про стрелецкую охрану вообще молчу, им сегодня Еремеев выволочку устраивает. Но в любом случае злодеи как-то должны были проникнуть в дом. Неужели опять магия? А может быть, всё гораздо проще... Я мигом взлетел на крыльцо, залез на перила и внимательно осмотрел козырёк. Так и есть, на чистых досках виднелись чёткие отпечатки узких маленьких ног, ведущие на крышу!

– Ох, сраму-то мне, бесстыдство какое! – возмущённо всплеснула руками наша домохозяйка, узнав о следах преступников над собственным крыльцом. – Что себе позволяют, безобразники! Уж ты, Никитушка, энто так не оставляй, а то ить, не ровён час, и на голову с ногами немытыми сядут!

– Скажу Фоме, чтобы усилил караулы. А вы вторую косу допрашивать не собираетесь?

– Глафиры Обмылкиной-то? Дык смыслу нет. Судя по волосу, и она до сей поры в живом обличье обрета́ется.

– А как-то выяснить, кто рубил, где, с какой целью? – продолжал допытываться я.

Бабка невыразительно пожала сухонькими плечами и занялась домашними хлопотами. Ладно, пойдём традиционным путём, будем методично разматывать каждую ниточку, возможно, хоть что-то проявится.

Я уселся поудобнее и, кликнув стрельцов, приказал доставить отоспавшегося (и поумневшего!) в порубе гражданина Брусникина. Яга, не глядя в мою сторону, оттопырила левое ухо, им она лучше слышит, хотя правое у неё не в пример симпатичнее...

– Вот он я... – тихо раздалось от дверей.

Вчерашний пьянчужка стоял сгорбившись, опустив голову и тихий, словно лютик в чистом поле. Поруб успешно используется нами как вытрезвитель и камера предварительного заключения, а уж его воспитательное значение вызывает в Лукошкине глубочайшее уважение. По-моему, мужики даже царской пыточной боятся меньше. В любом случае два раза сюда попадать не стремятся...

– Слушаю вас, гражданин.

– Дык... что ж тут... виноват, ясное дело...

– Значит, осознали? – подчеркнул я. – Это хорошо. Впредь от сотрудничества с работниками правоохранительных органов уклоняться не станете?

– Упаси господь!

– И это приятно. А теперь скажите-ка, пожалуйста, с чего это вам, рабочему человеку, взбрело напиваться с утра?! Вроде ведь не праздники, не выходной... Нехорошо получается!

– Грешен... – вытирая нос рукавом, всхлипнул ткач. – Да ить я ж сам с утречка к вам в отделение бежал, об судьбе дочкой беспокойлся. А тут, как на грех, балаган этот на площади! Ну и... вот...

– Рассказывайте, рассказывайте, – как можно равнодушнее попросил я. Левое ухо Яги стало красным и мелко задрожало – верный признак живейшего интереса. А бабкину интуицию никогда нельзя сбрасывать со счетов...

* * *

Это было уже что-то... Нет, в деле резки кос и похищения девушек мы не продвинулись ни на шаг, но появилось хоть какое-то направление для дальнейших поисков. В общем, сумбурно и поминутно краснея, задержанный объяснил, что с пути его сбили проклятые скоморохи.

Дескать, перехватили прямо на улице, затащили в шатёр, силой влили в глотку поллитра государственной водки и, насыпав на закуску горсть конфет в карман, выпроводили восwoяси. Причём сами не пили ни капли! Идти в нетрезвом виде в отделение гражданин Брусникин не посмел, боясь меня огорчить. (Я от их душевной простоты скоро сесть начну раньше времени...)

Баба Яга тихо хихикала в кулачок, сказать, где этот тип врёт, мог бы и пятилетний ребёнок. На вопрос, с чего это заезжие циркачи впали в такую благотворительность, он внятно ответить не смог. Мне кажется, дядечка вполне мог орать о своём «горе» на всю улицу, а сердобольные акробаты, естественно, не отказали угостить разнесчастного родителя. Это, знаете ли, как-то более понятно. Там же, у цирка, он встретил достопамятного дядя Филимона Груздева, в пять минут подвергся активной промывке мозгов и, преспокойненько отправившись с новым другом к себе домой, терпеливо дождался визита сотрудников милиции. Кстати, зайти к ним я сам обещал...

Разумеется, ничего такого криминального ни в чьих действиях нет, по-человечески всё вполне объяснимо. Но в целях профилактики я сделал ткачу ещё одно грозное внушение и отправил к жене и детям.

– Так... дуру-то мою искать будут? – уже с порога робко обернулся он.

– Ищем и продолжаем искать. Определённые подвижки есть. Следствие будет держать вас в курсе.

Когда мы остались одни, бабка очень серьёзно спросила:

– Чёй-то ты там, сокол, про подвижки врал... Может, я опять упустила улику какую ни есть?

– Издеваетесь?

– Господь с тобой, да рази ж я посмею, – искренне открестилась Яга, что-то высматривая в окошке. – Ты глянь, навроде парнишечка наш в дорогу дальнюю собрался. Надо бы выйти попрощаться, чай, не на один день ценного сотрудника теряем...

Митяй, собранный и снаряжённый, как на край света, не преминул устроить отдельный спектакль из самого факта своего отъезда. Для начала он в обнимку попрощался с каждым из наших стрельцов, Еремеева вообще облобызал троекратно, а для нас с Бабой Ягой традиционно заготовил целые речи:

– Отец родной, Никита Иванович! Вот те крест – не забуду вашей любви да ласки! Ежели б у кого другого жил, ходил бы битым, а под вашей рукой нежною – тока холился да лелеялся... За науку личную, что на меня тратили, как вернусь, ноги вам мыть стану да ту воду пить заместо чаю духмяного! Вы ж мне сердце своё отдали, я вам душу открыл, и нет ныне в Митьке беспутном местов для вас сокрытых! Дозвольте ж облобызать щёчки ваши лишний раз на прощание...

– Без поцелуев! – едва овладев голосом, хрипло просипел я, красный, как кустодиевская купчиха.

Болтливый изверг не обиделся, трогательно пожал мне руки и переключился на Ягу:

– Бабуленька-красатуленька! А ить без присмотру вашего материнского я в городе большом в единый день от голоду обе ноги протянул бы. Без наставлений ваших напутственных, без поучений жизненных, без советов ежеутренних, по часу кряду передыху не знаючи, ох и скучно б было моё существованьице! И щенком был, и петухом оборотистым, и каких ещё бед с руки вашей на мою башку тока не сыпалось... Да рази ж забавы ради али нрава вашего психического?! Нет! Токмо в заботе об поумнении моём пёкшихся! Дайте хоть обниму, а то кто ж на старости лет-то позарится?

Мы все инстинктивно пригнулись, понимая, что сейчас будет взрыв и в деревню к матушке поедут Митькины обгорелые сапоги. Но, видимо, Яга после таких слов впала в столбняк полнейший, и нахал ушёл безнаказанно. Стрельцы помахали ему шапками от ворот, а Еремеев тихохонько увёл бабуку в терем, успокоиться...

Я хотел уточнить, не поставит ли она новую систему охраны, но передумал, в голову пришла гораздо более интересная идея. Негодяев ведь можно отвадить и другими способами, не обязательно прибегая к колдовству. Гвоздей, например, набить или стекла колотого насыпать... Шучу, простите, глупая шутка получилась. Мы сюда не членовредительством заниматься поставлены, а правомочным задержанием хулиганствующих граждан. Стекло и железки острые – это негуманно, вполне достаточно натереть доски салом. Эх, полковника Чорного на меня нет, его бы обморок хватил от такого святотатства!

Я подозвал двух ближайших стрельцов и популярно объяснил план действий. Парни удивились, но, слазив на козырёк, спорить не стали, разве что предложили заменить сало более действенным смальцем. Иначе якобы мы с крыши замучаемся котов приبلудных прогонять – они нам всё сало до досок слижут...

Потом меня вызвали за ворота: один из наших ребят доложил, что на Колокольной площади дьяк Филимон очередную проповедь устроил. Как всегда, на любимую тему: «Милиция – не от бога, православные, и нет при ней стыда!» Причина выступления – освобождение под залог до суда двух, тех самых, конокрадов, что пытались свести у нас Сивку-бурку. Помните, в каком виде их Митяй в пыточный приказ доставил? Бочонок пилить пришлось, иначе бы вообще не извлекли бедолаг гуттаперчевых...

Да, вовремя мы сотрудника нашего на деревню сплывили, он в юридических тонкостях плохо разбирается – набил бы жулью хари по второму разу и грехом бы не счёл! Надо попр-

бовать ещё раз поговорить с государыней, всё-таки мы не в Европе, и демократия по Явлинскому к добру не приведёт...

Сходить, что ли, дядя послушать, пока не побили? Его, разумеется, не меня же! Или к отцу Кондрату заглянуть, поинтересоваться, как там новобрачная вдовица со стрелой в ягодице? Я усмехнулся ярким воспоминаниям... Потом ещё постоял немного под тёплым весенним солнышком и решительно развернулся обратно, в терем. Буду сидеть и думать! А мысли в голове – ни одной... То есть те, которые есть, в деле о похищенных девушках никуда нас не продвигают. Может быть, ещё раз в цирк зайти, развеяться?

– Садись, Никитушка, попечалуемся вместе, – гостеприимно предложила Яга, подвинувшись на лавке. Бабка крепко обнимала недовольно попискивающего Василия и украдкой смахивала скорбные старческие слезинки.

– Эй, что это вы? Зачем? Ну, всё бывает, справимся как-нибудь, плакать-то к чему?

– Ми-теньку-у жалко-о...

– С чего вдруг?! – не сразу нашёлся я. – Да мы его час назад еле-еле выпроводили!

– Ить совсем молоденький... мальчонка-то, – раскачиваясь из стороны в сторону с ритмичностью китайского болванчика, запричитала Яга. – Ить один-одинёшенек пошёл, злобой людскую травленный, друзьями брошенный, в ссылку-изгнание супротив воли своей подставленный!

– Бабуля, но...

– А вот ежели его, сиротинушку, в пути обидит кто?!

– Э-э... ну... мн... мы, вообще, об одном и том же Митьке говорим?

– Дак это он тока с виду медведь причёсанный, лбом сваи забивает, ногтем поле пашет, оглоблей в носу ковыряет... Душа-то у него нежная, всяк прохожий плюнуть норовит!

– Не преувеличивайте, самоубийц у нас мало...

– Да что ж ты такой бессердечный, Никитка?!

Мокрый от бабкиных слёз кот вылупился на меня умоляющими глазами, отчаянно сигналивая о тактической капитуляции, мол, «соглашайся со всем, а то она меня с горя окончательно придушит...». Я махнул рукой, абсолютно не имея желания ни с кем спорить, и вышел обратно во двор.

Несущие службу стрельцы доложили, что особенных происшествий нет, дядя вроде бы с чего-то навернулся (а может, и получил-таки!), балаган крутит уже по два представления в день, народ о похищениях наслышан, но воли чувствам пока не даёт. В любом случае с этим делом надо как-то поспешить, если Яга пришла в себя, то пора совет держать. А может, в баньку? Баня здесь всегда на первом месте. Сходить, попариться, расслабиться кваском да чаем, а там уж...

В ворота постучали, и на двор отделения бочком шагнул наш добрый знакомец Савва Новичков. Под мышкой оригинальный иконописец держал нечто большое, плоское, укутанное в мешковину.

– Здравствуйте вам! Вот, картинку обещанную занёс.

– Очень приятно, – крепко пожав ему руку, улыбнулся я. – Заходите в терем, нашей домохозяйке как раз требуется добавить положительных эмоций.

– Непременно добавим, у меня тут, если позволите, одна вещица крупная, а к ней эскизы в четырёх изображениях будут. Пусть бабушка ваша сама цветовую гамму выберет.

– А картина, она... реалистичная? – на всякий случай уточнил я.

– Как бог свят! – даже перекрестился доброй души художник. – Не кубиками, не пятнышками, а по природе срисовано, без искажений, с пониманием.

Между нами говоря, мне, наверное, стоило бы сначала посмотреть живописное полотно прямо во дворе. Но, во-первых, неудобно как-то... всё-таки подарок не мне, а Яге. Во-вторых,

пакет был перевязанный, и томить хорошего человека на пороге невежливо, ещё бы и стрельцы набежали полюбопытствовать...

Мы прошли в горницу. Бабка, всё ещё с красными от чувств глазами, обрадовалась и потянулась за самоваром. Мрачный, как трезвый алкаш, кот сидел под скамьёй, с ненавистью вылизывая шерсть. Сострадательный Новичков тут же запустил руку в карман, одаривая домашнего любимца тремя-четырьмя конфетками. Василий презрительно скривился, но шарики взял, будет по полу гонять, когда никто не видит...

– Ну, разворачивай, давай уж покажи, чем решил старуху порадовать, – жалостливо попросила Баба Яга, в нетерпении ёрзая по скамейке.

Савва прислонил картину к стене и, распаковав, торжественно объявил:

– Вот, пожалуйста смотреть. Всё, как просили, с правдивостью и на богословскую тему: «Адам, искушаемый Евой!», с гаммой уж опосля определимся...

Я почувствовал, что краснею. Картина была... ну... предельно реалистичная, хотя правильнее было бы сказать, «чересчур»... Бабку откачивали в четыре руки...

* * *

– Нет, ну с моей, любительской точки зрения Адам как раз получился очень выразительным, очень... Сразу видно, что процесс искушения в полном разгаре! И то, что автор абсолютно отказался от изображения традиционных фиговых листочков, тоже правильно. Тут, знаете ли, тогда уж пальмовый лист надо... – раздумчиво излагал я сидящему на столе Новичкову. Яркий художник настолько опередил своё время, что в настоящий момент возразить не мог по причине резкого изменения своего физического вида. Поэтому лишь раздувал горло и утвердительно квакал...

– Всё одно, Никитушка, пушай даже мужик и хорош, но... Хотя, поверь старухе, не всё размерами решается, – прихлёбывая чай, просветила спокойная, как мамонт, бабка. – Вот прародительница Ева куда как более удалась! Что с переду, что с заду – есть где чему порадоваться... Да вон, кстати, Матрёна-торговка по молодости точно такая была – её завсегда наперёд перевешивало!

– Так, значит, картину всё-таки оставляем? Без обсуждения эскизов...

– Ну а как же! Чай, старался человек, супротив себя шёл, ни те кубиков, ни брызгов, ни ляпов, ни лишних ног. Тока не обессудь, а висеть она у меня в комнатке будет, – окончательно определилась Яга и, подумав, добавила: – Изображением к стенке!

– Тогда, может быть... – Я указал пальцем на большую жабу, скромненько таращащуюся за сахарницей.

– Тока со стола его сними. И это... извинись уж потом за меня, сторяча я...

Извиниться я не успел – расколдованный Новичков удрал от нас с непостижимой скоростью, взяв ворота с разбегу, даже не коснувшись лаптями. Любой олимпийский чемпион удавился бы от зависти! По крайней мере, наши стрельцы пробовали потом повторить – ни у кого не получилось.

Моя домохозяйка после двух стрессов и гремучей разрядки чувствовала себя помолодевшей и свежей. Мои предложения о поимке преступников на крыше восприняла с энтузиазмом, а вот действия с использованием смальца не одобрила. Вроде бы нет нужды зря доски портить, проще заклятие наложить. Правда, под это дело могут попасться и безвинные кошки, и глупые воробы, а при особо ярком результате даже терем спалить можно запросто. Охранное колдовство – штука весьма деликатная, будь всё проще – бабка гребла бы деньги лопатой, «заколдовывая» купцам склады да лабазы. В общем, на сегодня договорились поэкспериментировать с моим «скользким» планом, но если злодеи не попадутся, то завтра отмывать крышу буду сам.

Под вечер припёрся какой-то невзрачный чин из приказных, доложил, что государю поступила жалоба от купца Обмылкина на «нерадение служебное и голоса искажение постыдное, хоть на двор не выходи!». Горох требует завтра быть с отчётом, значит, опять решил поизображать суровое начальство. Зайду, зайду, мне, может быть, и самому помощь понадобится, надо всерьёз определиться с этим «выпуском до суда». Если так пойдёт, в Лукошкино начнут съезжаться преступные элементы со всего мира, как в «зону наибольшего благоприствования».

После чая Баба Яга наконец поделилась своими соображениями:

– Мыслишка тут одна мне покою не даёт, почему девицы-то пропали? А потому как шлялись невесты где, воли родительской супротив! Ну, положим, Дунька ткацкая от тумачков отеческих на улицу слиняла. Дочь купеческая, Глафирушка, видать, в тепле да вседозволенности капризность собственную проявить соизволила. Вот вам и результат – остались от дур косы одне!

– Хм, поучительно... И к чему вы клоните?

– Да к тому, что свидетелей-то нет. А ить ежели вдуматься, так всенепременно должны были быть! Ну, сам посуди, хоть город у нас и столичный, а всё ж таки не столь большой, чтоб двух девиц великовозрастных ровно бык на ходу занюхал. В одну ноздрю вошли, в другое место облачком вылетели... Нет, сокол участковый, вот хошь что со мной делай, а видели люди, как девки пропали! Видели, да тока внимания энтому факту придать не призадумались...

– Так не бывает, – не согласился я. – За всё время моей службы рядовые лукошкинцы показали себя народом понимающим, а в профилактике правонарушений – гражданами крайне сознательными. Уж кто-нибудь непременно бы сообщил!

– Ежели на улице лихие люди будут красавиц безвинных руками лапать да в мешок совать, народ сего злодейства никак не потерпит. Сами разберутся, милиции не дожидаясь. Тут я с тобой и спорить не стану... А вот коли не всё так откровенно было?

– Намекаете на то, что они «исчезли» по собственной воле?

– Всяко бывает, – развела руками Яга. – Бредни романтические могли в башку вдарить, книжек вредных могли начитаться (вона какие вещи Кнут Гамсунович переводит – один мат на языке!) али и вовсе тайком обвенчаться да сбежать! Чай, священники-то не выдадут...

– Так, – пометил я в блокнотике, – значит, завтра с утра поговорить на эту тему с отцом Кондратом. Он у нас человек обстоятельный, знать должен, а помочь – обязан. Какие ещё будут предложения?

– Ты у нас всему отделению голова, сам думай давай!

– Не знаю, у меня особенных версий нет. Разве что... – договорить не удалось, наш содержательный диалог был бесцеремонно прерван диким кошачьим воплем! Кто выше подпрыгнул, я или Яга, наверняка сказать не берусь, хотя готов уступить пальму первенства даме. Из-за печки, пошатываясь португальским боцманом, вышел опупевший кот Василий. Иного прилагательного я не нахожу! Глаза бабкиного любимчика пульсировали зелёным с красными искорками, язык свешивался набок, как у призового сенбернара, а хвост стоял колом.

– Батюшки светы, это что ж такое деется?! – сипло выдавила наша незаменимая эксперт-домохозяйка.

Василий сконцентрировал на ней взгляд, глупо хихикнул и пошёл по кругу в ритме ирландского степа. На мой, непрофессиональный, взгляд – явное помешательство налицо!

– Васенька, кровиночка моя, ягодка пушистая, да ты трезв ли? Никита?! Ох, Никитка-а...

– Бабушка, я ему не наливал!

Котик ещё раз взвыл столь гнусаво и противно, что у меня волосы дыбом встали. А чёрный псих, косо семеня, бросился мне на грудь, пытаясь сладострастно лизнуть в шею. Блин, мало Митьки, так теперь ещё и кот целоваться лезет! Может, от меня пахнет как-то не так...

– Вы что ж энто тут удумали, охальники?! – Баба Яга, категорически не желавшая разуть глаза, схватилась за веник. – Вот я вас уже обоих! И ты, участковый, мне Васеньку не подставляй, у меня рука тяжёлая...

Чтобы хоть как-то прекратить массовый психоз, я, ничуть не стыдясь, позвал на помощь. Подоспевший Еремеев с двумя стрельцами включились в общее безобразие и кое-как навели порядок, запаковав кота в смирительную рубашку. Бабка поскандалила для вида, но успокоилась быстро, сама понимая, что переборщила.

Ну и вечерок выдался... Динамика событий прогрессирует безоглядно, шагу ступить не даёт – везде в приключения вляпываемся, по самую щиколотку. А тут ещё со двора раздались крики, грохнули выстрелы стрелецких пищалей – и я рванул из горницы на третьей скорости.

– Какого чёрта пальба, идиоты?!

– Дак по шпиону же, что с крыши свалился!

– Представлю к награде, молодцы! – дежурно похвалил я, хотя на деле, как оказалось, преступнику удалось бежать.

Каким образом злоумышленник оказался на крыше, караульные стрельцы объяснить не могли, но смалец сделал своё дело. Здоровенный сквернословящий незнакомец (якобы практически голый!) рухнул вниз, лбом о крыльцо (треснувшую ступеньку мне показали!). Но, несмотря на явную серьёзность ушиба, человек лихо вскочил на ноги и шутя повторил рекорд Новичкова, перепрыгнув через ворота. Кое-кто из наших ребят успел пальнуть вслед, и по крайней мере одна пуля точно нашла цель...

– В колено я ему угодил, батюшка сыскной воевода! На том и крест целовать готов, да тока он, антихрист, на руки стал и ногами кверху побёг! Да резво так, мы и пищали перезарядить не успели...

На всякий случай я отрядил шестерых стрельцов в погоню: если рана свежая, можно попытаться проследить капли крови. Хотя в темноте и проблемно, но пусть хоть факелы возьмут. Сколько просил Ягу разрешить завести при отделении хорошую служебно-розыскную собаку, та упиралась руками и ногами. Дескать, пока её Васеньке драгоценному по двору гулять вольготно желается, никаких кобелей тут и близко не будет! А ведь можно было через того же Кнута Гамсуновича раздобыть в Немецкой слободе такую породистую овчарку. Эх, да что теперь...

Детально осмотрев место происшествия, мне удалось обнаружить ещё одну косу. Или преступники не знали, что Митяй покинул город, или эта «кровавая» улика предназначалась уже мне. На сей раз коса была рыженькая, тощая и невзрачная, с серо-голубой застиранной ленточкой. Опять двадцать пять, как неприятно-то...

Вернувшись в дом, я застал бабку за откачиванием верного кота какими-то настойками. Толстомордый Василий валялся пузом кверху, как беременный тюлень, а Яга, неторопливо читая заклęcia, вливала что-то из пузырёчка в воронку, вставленную ему меж зубов. Моей помощи вроде бы не требовалось, я молча положил новую косу на стол и отправился к себе наверх.

Если придут родственники пропавшей девушки, меня непременно разбудят. Если же нет, то... утро вечера мудренее, порассуждаем после завтрака. А пока спать, бай-бай, – добрые дяденьки милиционеры тоже нуждаются в отдыхе, и желательно полноценном. И вот на этот раз петух пусть только крякнет утром – убою...

* * *

Как и ожидалось, петух совершил непростительную глупость: ошалев от безнаказанности и оформив за меня акт моей же капитуляции, он взлетел аж на самый подоконник и наглейшим

образом обеспечил полный подъём в четыре утра! Не говоря дурного слова, я встал, потянулся и совершенно безоружным шагнул к окну. Наверное, в последний момент по моей улыбке он почувствовал неладное и почти успел раскрыть клюв, но...

Одним молниеносным движением пальца я толкнул оконную раму, и петуха кубарем снесло за забор. Вверх взлетел пук перьев, а злобное кукареканье и птичий мат были слышны до самого обеда. Вот честно, положив руку на сердце, скажу – за участие в борьбе против Кощея я был готов простить ему всё. Но, согласитесь, этот камикадзе с гребешком набекрень ни в какую не хочет мира!

В горнице было непривычно пусто. Бабка исчезла неизвестно куда, кот Василий тоже где-то шляется, в сенях одиноко стоят старые Митькины лапти... На столе ни записки, ни пышущего самовара, ничего, кормить участкового завтраком – некому. На дворе застенчиво мялись караульные стрельцы, меня приветствовали чрезмерно радостно, что уже наводило на некоторое подозрение.

– А где наша домохозяйка?

– Это... бабушка Яга которая?

– Нет, другая, – чуточку удивился я. – Можно подумать, у нас их тут батальон, юбками свистя, с ухватами наперевес носятся... Естественно, Яга!

– Они уйти изволили, – опустив глазёнки, стыдливо признал один. – Вона у Брыкина пицаль стрельцую забрали, да и пошли себе... неторопливо эдак, с осознанием.

– Как же вы ей табельное оружие дали?! – для профилактики повозмущался я. Попробовали бы они ей не дать!..

Парни это тоже понимали, но для порядка извинились:

– Она ж к нам вежливо, по-человечески, тихо эдак: «Дай-кошь пицалью, внучок, мне по делу сходить надобно. Да не печалься, возверну в целости. А коли не дашь, родименький, то (далее ряд образных и ярко запоминающихся физиологических оборотов)... и ходить тебе в сём обличке до старости!» Брыкин у нас самый впечатлительный, он враз и отдал.

– Ладно, доложите обо всём Еремееву. А куда направилась бабка?

– Вроде как священную месть вершить, – неуверенно переглянулись стрельцы.

– Я спрашиваю «куда?», а не «зачем?»! Что она пицаль не в качестве костыля использует – это и пеньку понятно. Яга когда в таком настроении, полгорода постреляет на фиг! Ну думать же надо хоть иногда!

– Дак мы... и это... тык... мык... – Из невнятного бормотания и малоэкспрессивной жестикуляции я должен был понять, что Яга – бабушка о-о-очень пожилая, а значит, технически необразованная и с таким сложным агрегатом, как фитильная пицаль, нипочём не управится! Ну а уж на самый край, так в стволе всего один заряд, так что много народу не побьёт, как ни верти... Утешили! Значит, один труп – это в порядке вещей? И на том спасибо, да?! Учинить полагающийся разнос я не успел – кто-то вовремя доложил, что-де «вона она шествует!».

Действительно, из-за поворота показалась прихрамывающая эксперт-криминалистка, ведущая под ружьём бледного, как холодильник, Новичкова. Решительную бабку сопровождали счастливые ребяташки, а бедный художник нёс на вытянутых руках очередную авангардную картину. Три богатыря на пёстром фоне, один щит, два копыя и семь ног – в общем, увидев раз, уже не забудешь.

У самых ворот отделения бабка грозно цыкнула на детей и, убедившись, что все отбежали на приличное расстояние, твёрдо глянула мне в глаза:

– Сажай его в поруб, Никитушка, ибо злодей он и есть, а ещё искусством иконописным срам прикрывал. Всю ноченьку я думала и, метод дедуктивный освоив, начисто применить его по уму-разуму сподобилась. Опять же и Васенька на рассвете показания внятные дал...

– П-пройдёте в дом, – чуть закашлявшись, предложил я. – И это... оружие сдайте, пожалуйста.

– Вот, стрелец-молодец, пищаля твоя верная. – Яга одной рукой (!), без малейшего усилия вручила тяжеленную бандуру подоспевшему бородачу. – Как взяла, так и возвратила, стрелять не пришлось – преступник при одном виде дула ейного лапки вверх засучил!

На мгновение встретившись взглядом с Новичковым, я понял, какое страшное зрелище являла сухонькая бабка, целившая в вас из допотопного ружья работы неумолимых тульских мастеров...

– Сопроводите арестованного, – громко попросил я дежурных стрельцов и тихонечко добавил: – И без грубостей там, сделайте вид, а сами...

– Не без понятиев, – сурово кивнули парни. Проследив, что обречённого художника повели к порубу, Баба Яга соизволила наконец войти в терем. Я двинулся следом, лихорадочно размышляя, могло ли сумасшествие кота за одну ночь перекинуться на нашу домохозяйку? Ведь вроде бы крыша так быстро не съезжает, но, с другой стороны, у бабули с Василием едва ли не родственные связи. Я бы сказал, на самом ментальном уровне...

А если нет, то что же она тогда нарыла? Повод, заставивший её взять художника и привести в отделение под ружьём, должен быть достаточно весомым. Это значит, что завтрак мне никак не светит...

– Садись, участковый, да слушай меня, старую. – Бабка усадила меня на скамью и, видя, как я потянулся за планшеткой, строго прикрикнула: – Э нет, друг сердечный, писать ничего не позволю! Не серчай, Никитушка, а только так дело разворачивается, что ни одной буковки письменной нам оставлять нельзя.

– Масонский заговор? – посерьёзней я.

– А уж это ты сам решишь, да тока глянь покуда, что сие?

На стол осторожно легли две цветные горошины из набора детских сладостей. Никаких ужасных ассоциаций это у меня не всколыхнуло.

– Конфетки типа карамели. Самые обычные, дешёвые...

– Обычные, да не совсем... – Яга наклонилась к моему уху и заговорщицким шёпотом пояснила: – Одну такую мой Васенька вчера съел, не удержался. Что потом с ним было?

– Рехнулся... – неуверенно предположил я.

– Временно, – поправила бабка, походила по комнате и вновь встала напротив меня. – Три конфетками икономазец (прости господи!) Новичков кота моего ввечеру одарил. С барского плеча, широко, не побрезговал... Две я ещё до рассвета проверила – обычные, а вот в той, что Василий откушал, белый дурман был!

– Наркотик?! – не поверив собственным ушам, аж подскочил я.

Яга с драматической торжественностью медленно кивнула и приложила палец к губам.

– Потому и богомаза этого мне пришлось силком вести, ни на миг пищалю не опускаючи, а ить тя-жё-ла-я-а она, подлюка...

– Мм... Вы полагаете, что Новичков как-то причастен к распространению наркотических веществ?

– Ну нешто я так на дуру похожа?! – возмущённо фыркнула опытная специалистка. – Уж честного человека от злодея завсегда как-нибудь отличу. Художник твой душою чист, а ежели с головой не всё в порядке, дык творческие люди завсегда юродивым сродни будут. Они умных советов не слушают, к ним и на небесах расчёт особый...

– Точно, точно, – вспомнив ужасающего размера клоуна с колесом в руках на Москвереке, поспешил согласиться я. – Выходит, вы специально повели Новичкова под ружьём, чтобы у любого прохожего этот арест ассоциировался с его авангардными атрибутами в живописи.

Яга, высунув кончик языка, что-то быстренько сложила в голове, засунула туда пару новых слов и уверенно подтвердила:

– Творчество, направленное на самовыражение индивидуума, как уголовное деяние не классифицируется, но!.. Пушай уж все обратное думают, а мы тем временем порасспрашиваем, где он энтого «добра» в карманы насобираал.

– А... я знаю. – Неожиданно в памяти всплыли похожие горошинки-конфетки в щедрых руках заезжих циркачей. Опять же если вспомнить, что «преступник», побывавший на нашей крыше, ушёл на руках... И мел на косе, а мелом мажут руки акробаты, чтобы...

Эхма! Да ещё ни одно дело не было раскрыто мною с такой лёгкостью! Ай да я! Ай да герой – сыскной воевода, участковый Никита Ивашов!

Захлёбываясь от упоения собственной логикой и дедукцией, я подробнейшим образом изложил все догадки Бабе Яге и с самодовольной улыбкой ждал её аплодисментов. Их почему-то не прозвучало... Наоборот, в похолодевших глазах моей домохозяйки мелькнуло явное разочарование и даже недоверие. Неужели я что-то упустил...

– Ты тока не забывай, касатик, ить мы теперича в правовом царстве-государстве живём, нет?!

Лучше бы она мне об этом не напоминала...

* * *

– Инкриминирую распространение наркотиков!

– А они тебе руками разведут, дескать, звать не знаем, конфетки покупали на Кудыкиной горе Кидалкинского уезда, седьмое царство от угла Хрен-поймёшь-по-матери, туда все претензии за качество!

– Найду акробата с огнестрельной раной ноги и посажу по статье!

– А он тебе в отместку: мол, «ружьё чистил, да не усмотрел, сам виноват, обид ни на кого не держу, впредь умнее буду...». И весь ихний цирк в полноценных свидетелях!

– Да, но косу-то наверняка он подбросил?!

– Какую косу? Откуль? В первый раз вижу! Ишь какие подставы милиция чинит, где ж тут наш дьяк Филимоша Груздев – наипервейший защитник, да матушка государыня – поспешливого суда противница? На помощь, милиция забижает!

– Всё, сдаюсь... – окончательно прижатый к стенке, хрипло выдавил я. – Могу прицепиться к жестокому обращению с животными. Была там одна коза...

– Ну, это, может, и прокатит, коли козу заставишь жалобу написать, – поразмыслив, согласилась Яга. – Да тока дело выйдет неподсудное, а за штраф малый они тебе ещё и в ножки поклонятся, чтоб отвязался!

– Бабушка! – едва ли не взвыл я. – Но вы ведь сами видите, циркачи это! Кроме них – некому!

– Всё на свете бывает... – философски выгнув подщипанную бровь, кивнула моя домохозяйка. – А тока в теперешний день с такими уликами – в лесу белок смешить, но уж николи не преступников на скамью подсудимых за штаны усаживать. И то прибавь, они ж ещё и не наши, не местные. Один раз промашку дашь, дык скоморохи тебя на весь белый свет так ославят – папу, маму проклянёшь за то, что родили!

– Ладно, был неправ, погорячился...

– С кем не бывает...

– Действительно, – успокоился я. – Так что вы предлагаете?

– Ну, перво-наперво надоть мне самой в ихний цирк скомороший сходить, представлению посмотреть, выводов настроить, конфеток ихних на экспертизу поболее насобирать. А ты, сокол, не ленись, доложи обо всём государю. Да тока таинственность соблюди! Не ровён час, вспылит батюшка самодержец, а как в балагане улик не сыщёт, так на отделении и отыграется...

– Бабушка, ну не надо из царя окончательного самодура делать! – не выдержав, заступился я. – Всё понятно, сегодня же отправлю стрельцов на розыск человека с огнестрельной раной в ногу. Устанавливаем за ним слежку, но под бездоказательный арест не берём. Еремеев пусть почаще прогуливается в районе циркового шатра, при первой же попытке бесплатных раздач карамельных шариков добудет горсть-другую для экспертизы. Да, по поводу последней отрезанной косы никто заявлений не подавал?

– Нет, касатик, и зело мне сие подозрительно!

– Вы выражаетесь, как дьяк Филимон.

– По-учёному, – важно поправила бабка. – А и насчёт третьей косы одна мыслишка есть: что, если девку пропащую никто и не спохватится? Может, она сирота какая?

– Какая ещё сирота...

– Бедная... – дрогнувшим голосом протянула Яга. – Родители померли небось... У злой тётки жила, куска сладкого не видела, ласки материнской не знала, горячими слезами умывалась, в холоде спала, горькой обидой давилась, тумаклами обедала и... и... и пожалиться-то некому-у-у...

– Не надо плакать, бабушка, – посуровел я, хотя и у самого комок подкатил к горлу. – Давайте адрес. Что за тётка, где проживает, чем занимается? Живо разберёмся...

Какую-то долгую секунду мы вопросительно глядели друг другу в глаза, пока абсурдность ситуации не стала очевидной.

Откашлявшись и отбросив лишнюю сентиментальность, наша неполная опергруппа вновь вернулась к рабочему обсуждению, когда в горницу вошёл Фома Еремеев. Стрелецкий сотник поклонился хозяйке, кивнул мне и без предисловий начал:

– Мы тут покумекали с ребятами, ты уж как хочешь, участковый, а тока циркачи это!

– Продолжайте, – победно развернув плечи, попросил я.

– Ну а какой же ещё злодей на всё Лукошкино сыщется, чтоб, ловко на руках бегая, ушёл?! Опять же на крышу столь лихо лазил, что и заметить не успели. А ещё ворота наши с разбегу взял!

– Ну и?..

– Ну, парни говорят, дескать, менять их пора да повыше ставить – энти уже второй человек перепрыгивает, – неуверенно резюмировал Фома, подумал и предложил: – А циркачей мы хоть сегодня повяжем. Ежели всей сотней разом пальнём, так и... Тока как-то противозаконно получается, государыня заругает.

– Хорошо хоть сам понимаешь, – сухо подтвердил я. – Садись, у меня тоже серьёзные подозрения относительно этих скоморохов. В общем, план действий следующий...

Минут десять мы втроём сидели, переговариваясь самым заговорщицким шёпотом, так что даже первые весенние мухи старались жужжать потише, безрезультатно пытаясь подслушать секретно-оперативную информацию...

К Гороху я пошёл один. Яга, подцепив под локоток Еремеева, разнаряженной павой направилась в цирк. Билеты стрельцы достанут, даже если в балагане полный аншлаг на неделю вперёд. Место для милиции всегда найдётся... само... как по волшебству!

По пути едва не нарвался на дьяка Филимона Груздева. Самодеятельный ставленник государыни спешно улепётывал от кого-то вдоль улицы. В другой раз непременно бы поучаствовал в задержании, но не сегодня. Если он навязчиво попроповедует ещё пару дней – сам прибежит искать защиты в неродном отделении, вот тогда-то... Нет, я не злопамятный, но долгопомнящий.

У царского терема был вынужденно задержан двумя толстыми боярами. Оскорблять меня прилюдно давно никто не рисковал, так эти бородатые «тормоза прогресса» просто мирно беседовали в калиточке, торжественно соприкасаясь пузьями. Просить пропустить бес-

полезно – «важность» боярской беседы не позволяла даже взглядом отвлечься на подпрыгивающего милиционера. Пришлось обойти терем и через забор кидать Гороху в окно камешки, чтобы сам вышел и отворил.

С третьей попытки получилось. В смысле, цветное стекло не разбил, но царь высунулся едва ли не по пояс, обругал меня для приличия и громогласно велел поставить пред очи грозные! Вылетевшие стрелы исполнительно сшибли болтливых снобов в канаву и на руках занесли мою светлость в «овальный кабинет». Только там я понял, почему охранники так усердствовали, – Горох был пьян практически в никакую! Хотя, наверное, нет, говорил он более-менее, а вот координация движений хуже, чем у пропившегося Буратино.

– Ваше величество, я всё понимаю, ну до ТАКОЙ-то степени зачем?!

– Русс-сс-кий ч-ловек нн-пивается с горю глубоково, – неторопливо пустился объяснять на пальцах царь, пока я кое-как усаживал его на скамью. С которой он столь же упорно норовил сползти на пол! – Либо с р-дости великой... Себе нн-льёшь?

– Ну и какое у вас горе или радость?

– Нн-никакого... От с этого и пью... от оды-ны-образности бытия! Так ты нн-не будешь? А за мм-моё зд-ровье?!

– Вы из меня дежурного собутыльника не делайте, и так уже государыня косится. – Я плюнул на всё и сел рядом с царём, вытянув ноги. – Слушаю. Записываю. Кайтесь.

– Оххх-тно. – Он приобнял меня за плечи и, тоскливо отпихнув тапкой пустой штоф, просветил ситуацию: – В сей день алк-голем я усерден был по пр-чине ннн-в-стр-б-ванн-сти! Понял, нет? Я ж никому не нн-ужен... Эй! Кому тут нн-нужен царь?! Млчат... ннни-кому не нужен. Всё есть, всё х-рошо, всё мирно, всё благ-денствует-эт! Дума б-ярская – думает, царица м-мл...ладая – царицинствует, народ – трудится, враги, и те, заразы, не в-враждуют... Я туда-сюда, пробовал – не нужен я им! Вот сижу им на ттт-роне, и ладно. А у меня... может... з-дница болит уже просто так на ттт-рне сидеть! П-нимаешь?

– Понимаю.

– Тогда ск-жи, вот ты мне друг, да? Друг, в-верю... Я тебе нужен? В-зьми меня к себе...

– Да ради бога, – не подумав, ляпнул я, отвлекаясь на стук каблучков за дверями.

Государь упоённо приподнялся и, поймав меня за уши, трижды насильно облобызал в обе щеки:

– Я зз-нал! Ты вот не пр-дашь друга... Эх, Нн-кита, как ты там... по бат-юшке... Щас, сапог надену и к... ик!! И к тебе в от-дление, на оперативную долж-н-сть!

– О майн гот... – Лидия Адольфина решительно шагнула в комнату и встала над нами неумолимая, как европейская система правосудия. Горох тихо откатился в сторону, ещё раз икнул и, встретившись плавающим взглядом с любящей женой, молча указал на меня пальцем.

– Нам есть надо очень серьёзно погофорить, герр полицайн!

Я скорбно встал и, опустив голову, покорно последовал за развернувшейся царицей. Пьяный самодержец виновато улыбался мне вслед...

* * *

В реальность дела о преступных циркачах рассудительная государыня не поверила. С её точки зрения, отсутствовал элемент материальной заинтересованности. Раздавать наркотики ради продажи билетов на представление? Глупо... Выгода не столь существенна, а выступление своё балаганные артисты отрабатывают честно. На канате не схалтуришь, да и не весь зал пришёл под кайфом.

В чём же смысл? При чём тут отрезанные косы? Хотя сам факт отрезания бывшую австрийскую принцессу испугал искренне, но какова конкретная цель похищения девиц? Обыск в цирке она однозначно не одобрила, потому что маэстро Труссарди – иностранец, а зна-

чит, могут иметь место международные кривотолки, ну и так далее в том же роде. Люди приличные, трезвые, заметных шалостей себе не позволяют. Короче, улик не хватает, всё слишком недоказуемо...

Примерно те же сомнения были высказаны и Бабой Ягой, так что моё уважение к царице Лидии только выросло. Тем паче что всерьёз в спаивании мужа она меня не упрекала. Просто попросила, по-человечески, в гости захаживать пореже, а как появится возможность, взять государя на ближайшую облаву, пусть развеется. Да, Гороху молиться надо на такую жену, не понимает мужик собственного счастья...

– Я просить фас не наклоняться?.. не уклоняться?! а, не откланиваться надолго. Ми с мужем без фас весьма скучать... – Милостиво протянув мне ручку для поцелуя, государыня самолично проводила меня к выходу из своих палат.

А за дверями нас ждала... грозная боярская дума в полном составе. Сначала я даже не понял, с чего это они сюда припёрлись? Лица суровые, бороды вздыбленные, посохи дрожат от возбуждения, а на мясистых носах блестят капельки пота. Лидия Адольфина чуть удивлённо покосилась в мою сторону, я вскинул бровь, изображая полнейшее непонимание... Мы стояли так долгую минуту, а то и две. Все вопросы снял дьяк Филька, высунувшись из-под тяжёлого рукава боярина Бодрова:

– Что я вам говорил, а?! Вот он, подлец бесстыжий, срамотит матушку царицу в её же покоях! Обманом под крыло втёрся к лебедушке белой, голубице сизокрылой, ласточке ясноглазой... И как теперича такой позор царю пережить?

– Гражданин Груздев, – постепенно дошло до меня, – у вас хоть капля мозгов ещё осталась? Думайте, что говорите!

– А ты меня не затыкай, аспид форменный! – под одобрительный гул боярских голосов взвился дьяк. – Вона, ныне на мне парик европейский, самой государыней дарованный, дабы я народу честь и заступничество нёс. Раз она, невинная, не уразумела, какого змея милицейского на грудях своих белых пригрела – так мы всем миром подскажем! Не дадим сыскному воеводе грязными сапожищами простыни царские марать!

Двое стрельцов, что стояли у дверей, прикрыли уши. Я покраснел хуже Наташи Ростовской, и даже простодушная австриячка правильно уловила откровенную сальность намёка.

– Кто посметь допустить его пред мой взор? – медленно поднимая подбородок, спросила молодая царица.

Бояре чуточку стушевались, но не отступили. Суровый Бодров, сжав бороду в кулаке, неприязненно буркнул:

– Наше на то соизволение было, а милицию давно окоротить следует!

– Кто посметь допустить всех вас ходить в мой покой?

– Ну уж коли ты, матушка царица, простым участковым не брезгуешь, так боярству высококородному и подавно... – презрительно выпятив губу, заявил наглец и осёкся. В расширившихся очах Лидии плескалось холодное голубое пламя.

– Если би мой супруг не бил?.. бил не?.. не стал так занят, то не случалось би такой гнүсний оскорблений! Но он говорить мне, как уметь вижить бедный, русский баба...

Государыня одной левой вырвала у ближайшего стрельца здоровенный бердыш, ткнула остриём в пол, нервно нажала каблучком и, отломав себе изрядный дырн, играючи покачала им из стороны в сторону. Кое-кто круто изменился в лице, от дьяка, например, не осталось даже запаха...

– А теперь ви будете убежать... быстро-быстро-быстро! Кто не есть успеть – того я обходить?.. находить?.. отходить!.. по два раза!

Бояре обомлели... Вместо тихой, традиционно скромной, застенчивой и никуда не лезущей царёвой жены перед ними с плеча помахивала колом рослая иноземная фройляйн, в чьих жилах текла густая кровь истинных арийцев. Я спокойно отступил в угол, искренне насла-

ждаясь происходящим и примериваясь, кого успею в первую очередь пнуть в зад, когда начнётся свалка. Второго такого удобного случая наверняка уже не будет...

Увы... громом среди ясного неба позади боярских спин раздались гулкие, торжественные аплодисменты. Взорам обернувшихся присутствующих предстал сам Горох в мятых штанах, рубахе навывпуск, в одной тапке и короне набекрень. Однако в его насмешливых глазах не было и тени присутствия алкоголя. Трезвый царь пугал вдвойне...

– Государь, – неуверенно начал пузатый Бодров, пятясь к стенке, – о твоей же чести печёмся. Негоже царице с участковым без твоей персоны дружбу водить! Мало ли какие у наследничка отклонения случиться могут...

Горох, не говоря дурного слова, шагнул к нему навстречу и буднично отвесил несильную пощёчину. Бояре ахнули... Самодержец нежно приобнял грозную супругу за талию и вместе с ней исчез в её покоях, аккуратно прикрыв дверь. Я, естественно, остался снаружи. Почему-то всем потребовалось очень немного времени, чтобы резко отыскать козла отпущения...

– Э-э... так, наверное, я пойду, да? В отделении дел непроворот, а вы уж тут сами между собой, как говорится... Рад был конструктивно побеседовать, мне пора, до скорой встречи!

Последние слова я буквально проорал, едва ли не кубарем слетая с лестницы на первый этаж. Вся боярская дума с матом и воплями метнулась следом, кидаясь посохами. Каких только слов, эпитетов, проклятий и угроз я не удостоился! Как вообще не убили, кто бы знал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.